

Библейско-богословская коллекция
Серия «История древней Церкви»

Вертеловский А., свящ.

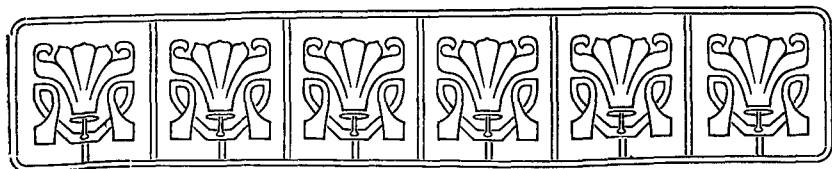
**ТОРЖЕСТВО
ХРИСТИАНСТВА
НАД ЯЗЫЧЕСТВОМ
ПРИ КОНСТАНТИНЕ
ВЕЛИКОМ**

Вера и разум, 1913, № 17, с. 607-625; № 20, с.
188-212, № 21, с. 338-350

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

ТОРЖЕСТВО ХРИСТИАНСТВА НАДЪ ЯЗЫЧЕСТВОМЪ ПРИ КОНСТАНТИНѢ ВЕЛИКОМЪ *).

І. Обращеніе въ христіанство Константина Великаго. Миланскій эдиктъ и его значеніе для церкви Христіанской.

Праздникъ, установленный христіанскою Церковью ближайшимъ образомъ для воспоминанія о чудесномъ обрѣтеніи и воздвиженіи честнаго животворящаго Креста Господня, служившаго орудіемъ страданій Спасителя и Его искупительной смерти, въ настоящемъ 1913 году получаетъ для насъ особенно высокое значеніе по напоминанію о побѣдоносной силѣ знаменія креста, проявленной 1600 лѣтъ тому назадъ въ борьбѣ христіанства съ язычествомъ.

*) Рѣчь, произнесенная въ актовомъ залѣ Харьковской Духовной Семинаріи 14 Сентября 1913 года. по случаю празднованія 1600-лѣтняго юбилея со времени изданія Миланскаго эдикта о предоставленіи свободы христіанамъ вѣры.

Первостепенное значеніе для нашего труда имѣли извѣстныя церковно-историческія произведенія Евсевія, Сократа, Созомена и Теодорита.

Пособіями-же служили слѣдующія сочиненія:

1) *Real—enciclopädie für protestantische Theologie und Kirche* von D. Albert *Hauck* Leipzig 1896—1906. В X. Art. „Konstantin“ von *Schultze*.

2) *Лебедевъ А. П.* Историческія Повѣствованія Москва 1900 г.

3) *Лебедевъ А. П.* Эпоха гоненій на христіанъ. М. 1885 г

4) *Спасскій А.* Обращеніе императора Константина В. въ христіанство. Троиц.-Серг. Лавра 1904 г.

5) *Болотовъ В. В.* Лекціи по исторіи Древней Церкви. Спб., 1913 г. Вып. I, II, III.

6) *Кургановъ* Отношенія между церковною и гражданскою властью въ Византійской Имперіи. Казань. 1880 г.

7) *Гиббонъ.* Исторія упадка и разрушенія Римской Имперіи. Москва 1883 года.

Какъ извѣстно, христіанская религія, несмотря на свое божественное достоинство, вызвала, при своемъ появленіи, величайшую и упорную вражду со стороны язычниковъ въ Римской Имперіи. Она проявилась въ трехвѣковыхъ гоненіяхъ, постепенно усиливавшихся и съ полною опредѣленностью направленныхъ къ искорененію новой религіи. Такая цѣль ясно преслѣдовалась эдиктами 303—305 г.г., изданными въ царствованіе Діоклетіана. Ссылки, конфискаціи имущества, тюремныя заключенія, всевозможныя кровопролитныя истязанія и различные роды казней съ безошадною жестокостью примѣнялись къ ревностнымъ послѣдователямъ божественной религіи. „Если-бы у меня были сотня усть и желѣзный языкъ“,—замѣчаетъ Лактанцій, „то и тогда не могъ-бы исчислить всѣхъ мученій, какія терпѣли вѣрующіе“ 1). Правда, эти гоненія были прерваны эдиктомъ Галерія, изданнымъ въ 311 году, и христіанство было признано религіею дозволенною (*religio licita*), но въ томъ ограниченномъ смыслѣ, какъ такую религіею признавалось іудейство. Этимъ эдиктомъ языческое правительство снисходительно предоставляло *наличнымъ христіанамъ* право на существованіе, но не дозволяло дальнѣйшаго распространенія вѣры и принятія ея каждымъ язычникомъ по своему желанію. По самой неопредѣленности своей эдиктъ могъ до извѣстной степени благопріятствовать произвольному несправедливому отношенію къ христіанамъ со стороны фанатичныхъ язычниковъ и вести къ новымъ насиліямъ. Полная свобода исповѣданія христіанской религіи узаконена была только по Миланскому эдикту, изданному въ 313 году, главнымъ виновникомъ котораго былъ Константинъ Великій.

Но причины, побудившія Константина къ такому важ-

8) *Гастонъ-Буассе* Паденіе язычества Москва 1892 г. переводъ Карелина.

9) *Лларъ*. Христіанство и Римская Имперія отъ Нерона до Феодосія Великаго Спб 1898 г

10) *W. Moeller*. *Lehrbuch der Kirschengeschichte* 1902 s. 408—450.

11) *Duryy*. *Histoire des Romains* (Paris 1885). VII. Русскій перев. Милюковой въ Библіотекѣ для самообразованія. т. 3. Римская имперія стр. 539.

1) *Лактанцій*. О смерти гонителей. гл. XVI *Евсевій Памперль*. Церковная Исторія перев съ греч. при Спб Дух. Академіи 1858 г. VIII, 2—13.

ному дѣйствию, изъясняются учеными историками неодинаково,—до крайней противоположности въ выводахъ. Едва-ли не большинство историковъ протестантскихъ и нашихъ, такъ называемыхъ свѣтскихъ, склоняется къ одностороннему объясненію обращенія Константина Великаго въ христіанство, исключительно *политическими мотивами*. (Буркгардъ, Гарнакъ, Гиббонъ, Дюрки, Шлоссеръ и др.). Представляется дѣло такъ, что Константинъ въ борьбѣ за власть съ своими политическими противниками, изъ которыхъ имѣлъ особенную силу Максентій, рѣшился опереться на христіанъ, занявшихъ будто-бы уже въ половинѣ IV вѣка, по самому количеству своему, преобладавшее положеніе въ Римской Имперіи, и выработавшихъ сложную церковно-іерархическую организацію, обуславливавшую ихъ прочное единство. И это со стороны Константина представлялось тѣмъ болѣе естественнымъ и цѣлесообразнымъ, что его противники поддерживались со стороны язычниковъ. Такое объясненіе можно было бы признать основательнымъ, если-бы было доказано, что христіане ко времени Константина дѣйствительно составляли преобладающее большинство населенія въ Римской Имперіи. Между тѣмъ, современные изслѣдователи устанавливаютъ тотъ фактъ, что какъ христіанство ни быстро и широко распространилось въ Римской Имперіи, но, къ сожалѣнію, въ началѣ IV вѣка число исповѣдниковъ его представляло меньшинство, сравнительно съ числомъ язычниковъ. По мнѣнію *Гиббона*, при Константинѣ Великомъ христіане составляли $\frac{1}{20}$ часть всего населенія Римской Имперіи. Къ нему присоединяется и *Фридлиндеръ*. Другой историкъ *Рихтеръ* полагаетъ, что христіане составляли $\frac{1}{10}$ часть населенія: 5—6 милліоновъ ихъ приходилось на 45 милліоновъ язычниковъ. Последняя цифра находитъ подтвержденіе въ результатахъ изслѣдованія *Юліуса Вэлоха* о населеніи классическаго міра. Всякое-же представленіе, что христіанъ было болѣе 10% въ массѣ населенія, по словамъ нашего ученаго историка, проф. Болотова ¹⁾, будетъ рискованнымъ. Къ такому-же выводу приходитъ и проф. Спасскій ²⁾. Но если христіане составляли по своему количеству меньшинство

¹⁾ *Болотовъ* Лекціи по исторіи древней Церкви. т. III. стр. 17—22.

²⁾ *Спасскій* Обращеніе импер. Константина Великаго въ христіанство, стр. 15—19.

населенія Римской Имперіи; если принять также во вниманіе, что христіане не вмѣшивались въ политику и вообще въ періодъ гоненій болѣе думали о будущей жизни, чѣмъ о настоящей, занимались больше религіозными подвигами, чѣмъ житейскими дѣлами: то со стороны Константина, которому приписывается особая практичность, было-бы слишкомъ рискованнымъ полагаться въ своихъ политическихъ предпріятіяхъ на христіанъ въ борьбѣ съ противниками. Правда, христіане по своимъ высокимъ религіозно-правственнымъ качествамъ составляли цѣнную въ государственномъ отношеніи и великую *моральную силу*, отличавшуюся своею сплоченностью и безмѣрно возвышавшуюся надъ эгоистичными и порочными язычниками, но убѣдиться въ дѣйствительности этой силы можно было не иначе, какъ при ознакомленіи съ религіею христіанскою по существу, при надлежащей оцѣнкѣ ея значенія. А это ведетъ къ заключенію, что, независимо отъ политическихъ расчетовъ, Константинъ Великій могъ руководствоваться и болѣе *идеальными, религіозными мотивами*. Тѣ историки, которые объясняютъ обращеніе Константина В. въ христіанство исключительно политическими мотивами, тенденціозно представляютъ личность его въ темномъ смыслѣ, какъ властолюбиваго деспота, величайшаго эгоиста, съ спокойною совѣстью приносившаго въ жертву своимъ личнымъ интересамъ божескіе и человѣческіе законы, какъ чловѣка безрелигіознаго, готоваго пользоваться религіею только для устройства своей политической карьеры (Буркгардъ)¹⁾. Но если мы обратимъ вниманіе на жизнь и дѣятельность Константина съ его дѣтскихъ лѣтъ до кончины (съ 288 до 337 г.), то будемъ имѣть возможность убѣдиться въ полной неосновательности такого приговора. Константинъ всегда былъ вѣрующимъ чловѣкомъ, стремившимся свои дѣйствія согласовать съ религіозными убѣжденіями, хотя какъ въ убѣжденіяхъ, такъ и въ жизни его происходило постепенное возрастаніе, достигавшейся путемъ его активнаго самовоспитанія, подѣ влияніемъ внѣшнихъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ такихъ источниковъ, въ которыхъ-бы въ цѣльномъ и полномъ объемѣ, съ надлежащею объективностью пред-

1) *Buchhardt*. Die Zeit Constantins des Grossen. Leipzig 1880 s. 347.

ставлялось религіозное міровоззрѣніе Константина до обращенія его въ христіанство, почему для уясненія общихъ мотивовъ, располагавшихъ Константина къ христіанству, мы иногда должны прибѣгать къ предположеніямъ на основаніи частныхъ фактовъ. Несомнѣнно, что на Константина оказало благотворное вліяніе его *семейное воспитаніе*, хотя оно и было непродолжительнымъ. Нѣкоторые историки предполагаютъ, что Константина расположила къ христіанству его мать императрица Елена, заявившая себя впослѣдствіи необыкновенною ревностью къ христіанству, путешествіями ко святымъ мѣстамъ, сооруженіемъ благолѣпныхъ храмовъ и обрѣтеніемъ креста Христова. Такое предположеніе находитъ себѣ основаніе въ томъ общемъ церковно-историческомъ фактѣ, что женщины, предпочтительно передъ мужчинами, принимали новую вѣру и ревностно заботились объ обращеніи въ нее близкихъ лицъ. Но это предположеніе не оправдывается опредѣленными свидѣтельствами. Правда, историкъ *Теодоритъ*, писатель пятого вѣка, допускаетъ, что Елена имѣла вліяніе на обращеніе Константина къ христіанству, почему и называетъ ее „родительницею этого свѣта“ (Константина), „питательницею его благочестія“¹⁾. Но церковный историкъ Евсевій говоритъ, напротивъ, что Константинъ сдѣлалъ свою мать изъ невѣрующей вѣрующею²⁾. Амвросій Медиоланскій также замѣчаетъ, что сама Елена обязана своимъ обращеніемъ Константину. Зато мы имѣемъ много данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что на Константина имѣлъ несомнѣнно *благотворное вліяніе его отецъ Констанцій Хлоръ*, бывшій сначала кесаремъ, а потомъ императоромъ западныхъ областей (съ 305 года) Римской Имперіи: Испаніи, Галліи и Британіи). Констанцій Хлоръ, благодаря своему значительному умственному развитію, не раздѣлялъ грубаго языческаго политеизма, но примыкалъ къ тѣмъ лучшимъ современникамъ, которые склонны были къ монотеизму—ученію о Единомъ Богѣ. Этотъ монотеизмъ на языческой почвѣ проявлялся въ двухъ формахъ—въ формѣ философской неоплатонической и въ формѣ восточнаго религіознаго міросозерцанія, лежавшаго въ основѣ персидскаго культа Митры, непобѣдимаго солнца (*invicti Solis*), распространявшагося въ Римской Имперіи во II и III в.в. особенно въ войскахъ.

1) *Теодоритъ*. Церк. Истор. Спб. 1852. кн. I, гл. 18.

2) *Евсевій*. Жизнь царя Константина. Спб. 1849. Кн. 3, гл. 7.

Монотеизмъ перваго рода (философскій), несмотря на свою видимую возвышенность, соединялся какъ извѣстно съ религіозною нетерпимостью. Между тѣмъ культъ Митры, возвышавшійся надъ грубымъ паганизмомъ, мирился съ національною религіею, а также сближался и съ христіанствомъ уже по своему иноземному происхожденію ¹⁾. Нужно при этомъ имѣть въ виду, что въ этомъ культѣ заключались и другія особенности, *до извѣстной степени* сроднявшія его съ христіанствомъ: въ немъ допускались разнаго рода таинственныя символическія церемоніи, извѣстныя подъ именемъ тавроболій и кривоболій, цѣль которыхъ состояла въ возвышеніи послѣдователей надъ грубою чувственностью, въ отвлеченіи человѣка отъ преданности грубымъ страстямъ и порокамъ, во внутреннемъ нравственномъ очищеніи и подготовкѣ человѣка къ духовному общенію съ Божествомъ, достигавшемуся въ экстатическомъ состояніи ²⁾. Трудно сказать, въ какой степени отдавался этому культу Констанцій Хлоръ, но извѣстно, что онъ въ жизни своей отличался высокими нравственными качествами. По словамъ церковнаго историка Евсевія, Констанцій былъ государемъ самымъ кроткимъ, благосклоннымъ къ подданнымъ и весьма расположеннымъ къ христіанскому ученію; по своей жизни онъ стоялъ выше другихъ, современныхъ ему императоровъ, являлъ себя правдивѣйшимъ и благодѣтельнѣйшимъ ко всѣмъ ³⁾. Такими возвышенными чертами своего характера отецъ оказывалъ неотразимое вліяніе на сына. По замѣчанію Евсевія, „соревнованіе отцу призывало сына къ подражанію его доблестямъ ⁴⁾. Подобно своему отцу, Константинъ до обращенія въ христіанство былъ монотеистомъ примѣнительно къ культу Митры, о чемъ непрерываемо свидѣтельствуетъ масса монетъ, сохранившихся отъ Константина, съ надписью: *invicto Soli*

¹⁾ *Болотовъ*, 111, 30.

²⁾ По замѣчанію проф. Спасскаго, въ культѣ Митры мы находимъ элементы, настолько близкіе къ христіанству, что сами христіане ничѣмъ инымъ не могли объяснить ихъ, какъ кознями діавола, желавшаго путемъ подражанія святому ученію и обрядамъ отвлечь язычниковъ отъ истиннаго пути (Спасскій—стр. 44. Буасье, Паденіе язычества.

³⁾ *Евсевій*. Церковная Исторія, кн. 8 и 13.

⁴⁾ *Евсевій*. Жизнь царя Константина. Спб. дух. Акад., 1849 года, кн. I, стр. 17.

comiti (солнцу непобѣдимому спутнику) ¹⁾. Но этотъ культъ превращался у него въ культъ Аполлона, провозвѣстника мудрости и красоты, что видно изъ привѣтственной рѣчи одного оратора Константину, гдѣ онъ употребляетъ выраженіе „Tuus Apollo“ ²⁾. Стихійныя астрическія черты семитическаго культа солнца утрачивали свою силу, при перенесеніи вниманія на Аполлона, которому усвоились идеальныя нравственныя свойства, какъ образцу могущества, мудрости и красоты. Этимъ подготовлялась почва для усвоенія болѣе совершеннаго понятія о Богѣ въ христіанскомъ смыслѣ ³⁾. Отсюда, вслѣдствіе возвышенія надъ язычниками, подобно Констанцію, и Константинъ проявлялъ свои симпатіи къ христіанамъ. Симпатіи эти усиливались по мѣрѣ ознакомленія съ ними, особенно послѣ того, какъ Константинъ взятъ былъ въ качествѣ заложника ко двору Діоклетіана и тамъ сталъ входить въ непосредственныя сношенія съ ними. При дворѣ Діоклетіана Константинъ, отличавшійся умомъ, наблюдательностью и сердечностью, *имѣлъ возможность оцѣнить высокія нравственныя качества христіанъ*, проявлявшіяся въ мирное время въ отношеніи къ язычникамъ и при выполненіи различныхъ обязанностей, возлагавшихся на нихъ правительствомъ, а равно и тѣ героическіе подвиги, которые проявлялись христіанскими мучениками при послѣдовавшихъ гоненіяхъ. Поэтому онъ поражался жестокостью правителей, которая не могла приводить ни къ чему другому, какъ только ко вреду ⁴⁾ и, по собственному выраженію, чуждался ея. *Личныя размышленія* по поводу переживаемыхъ тревожныхъ обстоятельствъ приводили даже Константина, съ религіозной точки зрѣнія, къ болѣе широкимъ выводамъ о гибельныхъ послѣдствіяхъ для язычниковъ ихъ политики по отношенію къ христіанамъ и о превосходствѣ христіанства передъ языческими суевѣріями, какъ можно заключить по его свидѣ-

¹⁾ Спасскій, стр. 48.

²⁾ Болотовъ, 31

³⁾ По замѣчанію историка Гизелера, Аполлонъ по своимъ идеальнымъ качествамъ въ средѣ христіанъ признавался языческимъ представителемъ Спасителя, такъ что поклоненіе ему могло быть истолковано въ эсotericескомъ смыслѣ, и служеніе ему могло быть приготовленіемъ къ принятію евангелія. *Gieselert*, 1, 270. *Робертсонъ*. Исторія христ. церкви, т. 1, 1890, стр. 167.

⁴⁾ Жизнь Константина, кн. 2, гл. 49.

тельствамъ, даваемымъ впоследствии при различныхъ случаяхъ. Уже въ старости въ одной изъ своихъ рѣчей, сохранныхъ для насъ Евсевіемъ, Константинъ поражался несчастною судьбою главныхъ гонителей христіанства ¹⁾. Онъ припоминалъ, какъ Диоклетіанъ, черезъ годъ по опубликованіи своего перваго эдикта (въ 303 году), впалъ въ жестокую болѣзнь, отразившуюся даже на его умственныхъ способностяхъ; какъ Максиміанъ Геркулъ, сотрудникъ Диоклетіана въ гоненіяхъ, кончилъ жизнь самоубійствомъ; какъ Галерія, злѣйшаго ненавистника христіанъ, постигъ еще болѣе ужасный конецъ: черви заживо разѣдали его тѣло. Между тѣмъ, въ Галліи, гдѣ христіане пользовались миромъ, ея правители не терпѣли никакого ущерба. Отецъ Константина, благосклонно относившійся къ христіанамъ, умеръ естественною смертію. Самъ Константинъ, уже испытывалъ благопріятныя слѣдствія отъ покровительства христіанамъ, такъ какъ въ его областяхъ было то спокойствіе, котораго не было въ другихъ ²⁾. Не могло-ли все это приводить къ заключенію, что христіане находятся подъ особымъ покровительствомъ Бога, что религіозная истина на ихъ сторонѣ, что тотъ Богъ, Которому они служатъ и поклоняются, — истинный Богъ? Что только отъ Него, какъ Всемогущаго, можетъ зависѣть всякій успѣхъ и истинное счастье? И не достигнетъ-ли онъ лично успѣховъ въ своихъ предпріятіяхъ тогда, когда обратится къ этому Всемогущему христіанскому Богу и получитъ отъ Него необходимую помощь? ³⁾ Такимъ образомъ, Константинъ, подъ вліяніемъ своего отца и личныхъ размышленій, *постепенно располагался къ христіанству*. Его религіозныя убѣжденія постепенно очищались и

¹⁾ Слово Константина къ обществу святыхъ, гл. 25. Соч. Евсев. т. 2-й. Лактанцій. О смерти гонителей, гл. XVII, XXIV^a и XXX.

²⁾ Мы имѣемъ полное основаніе думать, что тѣ размышленія, которыми, по словамъ Евсевія, Константинъ занятъ былъ передъ битвою съ Максантиемъ (жизнь Константина, кн. 1, гл. 27) *часто занимали его* и они то могли приводить къ выводамъ о божественности христіанства.

³⁾ Заслуживаетъ вниманія, что нѣкоторые западные историки въ послѣднее время стали не только приписывать важное значеніе религіознымъ мотивамъ въ обращеніи Константина, но даже давать имъ преобладающее значеніе. Къ такимъ историкамъ принадлежатъ: Шульце, Функъ, Буаеъ и Зеекъ.

облагораживались, но все-же онъ проявлялъ въ нихъ значительную неустойчивость и оставался до 312 г. язычникомъ, хотя съ наклономъ къ монотеизму ¹⁾. Только *особое чудесное событіе* положило конецъ его колебаніямъ и повело къ обращенію въ христіанство. Такимъ событіемъ было чудесное видѣніе на небѣ крестнаго знаменія, открывшее Константину способъ одержать побѣду надъ своимъ противникомъ Максентіемъ.

Походъ противъ римскаго императора Максентія былъ предпринятъ Константиномъ въ 312 году. Онъ былъ вызванъ самимъ Максентіемъ, который, подъ предлогомъ мести за Максиміана Геркула, а на самомъ дѣлѣ изъ зависти къ успѣхамъ и величію Константина объявилъ войну еще въ концѣ 311 года ²⁾. Дѣло Константина было правое: онъ смѣло объявлялъ, что идетъ въ Римъ, чтобы освободить городъ отъ тирана. Однако, походъ этотъ былъ слишкомъ рискованнымъ прежде всего потому, что Константину нужно было предварительно подумать объ охранѣ своихъ владѣній отъ германцевъ, которые волновались и угрожали вторженіемъ въ подвластныя ему страны. Оставивъ ³ 1 легионовъ для защиты границы своихъ владѣній, Константинъ съ 25000 воиновъ весной 312 года двинулся въ Италію. Сначала онъ имѣлъ успѣхъ: города сѣверной и средней Италіи сдались ему, и въ октябрѣ этого года онъ стоялъ передъ стѣнами Рима; но здѣсь онъ началъ понимать, насколько его походъ былъ рискованнымъ. Силы его и Максентія были слишкомъ неравномѣрны, не говоря уже о томъ, что войско могло быть уже утомлено дальностью пути и ослаблено битвами. Въ распоряженіи Максентія находилось 170.000 пѣхоты и 18.000 конницы. Лучшую часть непріятельскаго войска составляли испытанные преторіанцы, которые въ сраженіи 27 октября доказали, что они стѣбили своей репутациі: они легли здѣсь костями, но не уступили непріятелю ни пяди. Городъ Римъ представлялъ собою не-

¹⁾ *Болотовъ* находитъ, что настроеніе Константина не было строго языческимъ, но не было и строго христіанскимъ. III, 15. По замѣчанію *Шульца*, можно съ полною опредѣленностью утверждать, что въ 306—311 гг. Константинъ въ мысляхъ и на дѣлѣ былъ дружественно расположенъ къ христіанству, но религія его по своему содержанію не была христіанскою, хотя, быть можетъ, и не была чужда христіанству.

²⁾ *Аларъ*. Христіанство и Римская имперія, стр. 143.

приступную твердыню; притомъ онъ располагалъ большими запасами провіанта, дававшими возможность выдерживать осаду самое продолжительное время. Самъ по себѣ городъ, какъ наполненный языческими святынями, считался городомъ священнымъ, внушалъ къ себѣ страхъ и благоговѣніе со стороны всѣхъ народовъ. Поэтому случалось, что войска, подступавшія къ Риму, падали духомъ, измѣняли своимъ полководцамъ и разсѣвались подъ тѣмъ предлогомъ, что они не могутъ сражаться противъ Рима. Незадолго до Константина испытали большія неудачи въ походѣ на Римъ Северъ и Галерій. Северъ, оставленный своими солдатами, былъ взятъ въ плѣнъ и убитъ. Галерій, тоже покинутый своими воинами, плачемъ и рыданіями долженъ былъ умолять оставшихся вѣрными немногихъ солдатъ, чтобы цѣлымъ возвратиться въ свои владѣнія ¹⁾. И теперь Константинъ ни въ комъ изъ окружавшихъ не встрѣчалъ себѣ сочувствія въ задуманномъ предпріятіи: свита была противъ похода, полководцы не только роптали втайнѣ, но и явно высказывали свои опасенія. При такихъ условіяхъ, единственнымъ выходомъ изъ опаснаго положенія представлялась высшая помощь. Максентій такой помощи искалъ у своихъ боговъ: онъ совѣтовался съ сивиллиными книгами, гадалъ по внутренностямъ женщинъ, приносилъ въ жертву львовъ; этими способами онъ надѣялся на одержаніе побѣды. Но Константинъ уже зналъ, какъ ложны и обманчивы надежды на предсказанія оракуловъ, на умилоствленіе боговъ жертвами. Онъ основательно разсуждалъ, что полагавшіеся на многихъ боговъ подвергались и многимъ бѣдствіямъ. И вотъ онъ, отвращаясь отъ языческихъ боговъ, молитвенно обращается за помощью къ тому Богу, Котораго чтили христіане ²⁾. Молитва Константина была услышана. Въ особомъ небесномъ знаменіи (θεομαρτία) указано было то орудіе, которое должно было способствовать побѣдѣ надъ врагами. По словамъ церковнаго историка Евсевія, это послѣдовало такъ. Однажды послѣ полудня, когда солнце стало склоняться къ западу, царь соб-

¹⁾ *Спасскіи*, 52—53 Seeck, cit. op. 1. 82, 90.

Болотовъ, 111, 15.

²⁾ По словамъ Евсевія. Константинъ передъ битвою съ Максентіемъ молитвенно призвалъ на помощь небеснаго Бога и Его Слово, Спасителя всѣхъ, Христа. *Евсевія*, Церк. Исторія, 17, 9, 2. стр. 524—533.

ственными глазами увидѣлъ составившееся изъ свѣта и лежавшее на солнцѣ знаменіе креста съ надписью: „симъ побѣждай“ (*ἐν τούτῳ νικᾷ*, hoc vince). Ужасъ объялъ его и войско (точнѣе свиту). Царь однако-же находился въ недоумѣннн и говорилъ самъ себѣ: что значило такое явленіе? Но между тѣмъ, какъ онъ думалъ и размышлялъ о немъ, наступила ночь. Тогда явился ему во снѣ Христосъ съ видѣннымъ на небѣ знаменіемъ и повелѣлъ сдѣлать знамя, подобное видѣнному на небѣ, и употребить его для защиты при нападеніи враговъ ¹⁾. Утромъ Константинъ разсказалъ свой сонъ христіанскимъ священникамъ и друзьямъ, призвалъ художниковъ и повелѣлъ имъ сдѣлать это изображеніе, получившее названіе *labarum*'а ²⁾. Лабарумъ представлялъ собою длинное копье, обложенное золотомъ, поперекъ котораго, ближе къ вершинѣ, придѣлана была рея, или палка, такъ что вмѣстѣ съ копьемъ—они образовывали форму продолговатаго четырехконечнаго креста. Съ поперечной рей спускался квадратный, вышитый золотомъ и украшенный драгоценными камнями кусокъ матеріи, на которомъ помѣщались художественно сдѣланныя изображенія Константина и его сыновей. Наконецъ, выше поперечника къ концу копья былъ прибитъ золотой съ драгоценными камнями вѣнокъ, содержащій внутри себя или, точнѣе говоря, окаймлявшій монограмму имени Христа. Монограмма слагалась изъ двухъ золотыхъ буквъ греческаго алфавита X и P. Такой же монограммой Константинъ украсилъ впоследствии и свой шлемъ, а знамя *labarum* приказалъ устроить и носить при всѣхъ отрядахъ своихъ войскъ ³⁾. При помощи этого лабарума, ободрявшаго воиновъ и вливавшаго въ нихъ особую силу, Максентій былъ разбитъ, бѣжалъ и утонулъ въ рѣкѣ Тибрѣ. 28 октября 312 года Константинъ торжественно вошелъ въ Римъ, какъ побѣдитель. Это событіе имѣло рѣшительное вліяніе на обращеніе Константина,

¹⁾ *Евсевій*, Жизнь Константина, кн. 1, гл. 27—32, стр. 77—89.

²⁾ Это слово принадлежитъ баскамъ, жителямъ Пиринеевъ, но не греческое и не латинское. Могло употребляться и въ Галліи, благодаря соеѣдству и близости. Буквальное значеніе его, вѣроятно,—„знамя“. *Болотовъ*, 111—11.

³⁾ *Евсевій*, Жизнь Константина, 1, 31

Спаскій, Цит. соч., стр. 23

Болотовъ, 111, 11.

причемъ съ этого времени онъ сталъ христіаниномъ, хотя крещеніе онъ принялъ только передъ своею кончиною ¹⁾).

Протестантскіе ученые, однако, неблагоприятно относятся къ разсказу церковнаго историка Евсевія о томъ сверхъестественномъ событіи, которое вызвало обращеніе Константина въ христіанство, хотя Евсевій былъ не только современникомъ Константина, но и его близкимъ довѣреннымъ лицомъ. Главныя возраженія противъ дѣйствительности разсказа Евсевія сводятся къ двумъ пунктамъ. Во 1-хъ, разсказъ объ обращеніи Константина приводится въ сочиненіи Евсевія „о жизни Константина“, написанномъ въ позднѣйшее время (между 337—340 г.г.) и отличающемся будто-бы только панегирическимъ характеромъ, но не нашель себѣ мѣста въ Церковной Исторіи Евсевія, которая будто-бы безпристрастнѣе, какъ написанная до сближенія Евсевія съ Константиномъ. Во 2-хъ, хотя Евсевій говоритъ о томъ, что вмѣстѣ съ Константиномъ были свидѣтелями чудеснаго событія его войны, но изъ его разсказа не видно, чтобы событіе было фактомъ общеизвѣстнымъ, такъ какъ дѣйствительность его онъ подтверждаетъ указаніемъ только на клятву самого Константина. Но эти возраженія утрачиваютъ свою силу, если мы пріймемъ во вниманіе, что Церковная Исторія написана Евсевіемъ еще до единодержавія Константина и утвержденія на Востокѣ, когда историкъ, занимавшій скромное положеніе палестинскаго епископа, не могъ точно знать того, что было на западѣ и что могло ему сдѣлаться извѣстнымъ только

¹⁾ Наши историки придаютъ этому событію неодинаковое значеніе. Проф. Спасскій находитъ, что обращеніе Константина, подъ вліяніемъ этого событія, совершилось вдругъ, между тѣмъ какъ Болотовъ находитъ, что это событіе не имѣло для Константина рѣшающаго значенія. По его словамъ, *К—нъ приблизился къ Хр—ву не во мгновение ока, а постепенно. Спасскій—23. Болотовъ, 111 15—16. Шутьце* въ своей статьѣ, помѣщенной въ *Real-encyclopedie*, представляющей какъ бы суммарный выводъ современной науки, склоняется къ традиціонному положенію объ обращеніи К—на въ христіанство подъ вліяніемъ чудеснаго событія въ 312 г., не устраниая предшествовавшихъ политическихъ и религіозныхъ условій. Православная церковь придаетъ особенно важное значеніе этому чудесному событію въ дѣлѣ обращенія Константина, какъ видно изъ тропаря: *Креста Твоего образъ на небесн видѣвъ и, якоже Павелъ, званіе не отъ челоуѣка пріемъ..* По замѣчанію проф. Болотова, тропарь походитъ на цитату изъ Церковной Исторіи Феодорита. *Болотовъ, 111, стр. 8.*

впослѣдствіи, благодаря свѣдѣніямъ, сообщеннымъ императоромъ, котораго ближайшимъ образомъ касалось событіе. Все-же и въ Церковной Исторіи Евсевій указываетъ на необыкновенную побѣду Константина, одержанную послѣ призванія въ союзники Бога небеснаго и Иисуса Христа ¹⁾. Что касается до воиновъ, бывшихъ свидѣтелями событія, то подъ ними нельзя разумѣть всего войска, а только тѣхъ воиновъ, которые имѣли ближайшее отношеніе къ Константину и составляли его свиту или были какъ-бы его адъютантами. Евсевіи не употребляетъ выраженія *στρατιά* или *στράτευμα*, которыя безспорно означали-бы все войско, а *στρατιωτικὸν ἄπαν* т. е. всё военныя, подъ которыми можно разумѣть ближайшую свиту Константина. Мысль, что знаменіе креста на небѣ было вѣдѣмъ извѣстно, поэтому критически не обоснована ²⁾. Да притомъ Галльскіе легіоны, участвовавшіе въ походѣ противъ Максентія, вѣроятно, по выслугѣ лѣтъ, возвратились къ себѣ на родину, а въ Палестину, быть можетъ, ни одинъ солдатъ изъ этихъ легіоновъ и не появлялся. Поэтому Евсевій могъ получить точныя свѣдѣнія о событіи отъ самого Константина, который, при отсутствіи свидѣтелей, на которыхъ онъ могъ-бы сослаться, въ виду величайшей важности событія по своимъ послѣдствіямъ, подтверждалъ дѣйствительность его клятвою. Отвергать этотъ рассказъ, данный императоромъ подъ клятвою на закатѣ своихъ дней, значило-бы считать или Евсевія или Константина преднамѣренными лжецами, на что рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній ³⁾. Затѣмъ, всё указы Константина проникнуты несомнѣннымъ убѣжденіемъ, что успѣхомъ и благоденствіемъ своего царствованія онъ исключительно обязанъ милости христіанскаго Бога и это убѣжденіе основывалось-бы на воздухѣ, если рассказъ о чудесномъ видѣніи считать лишь простымъ вымысломъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ виду крутого перелома въ направленіи жизни и дѣятельности Константина должно было совершиться что-нибудь дѣйствительно важное, что произвело подавляющее вліяніе на душу императора. Безъ предположенія дѣй-

¹⁾ Исторія Церкви, IX, 9, стр. 529—533.

²⁾ Болотовъ. Цит. соч. III, стр. 12.

³⁾ Робертсонъ. Исторія христіанской Церкви, перев. Лопухиной, Спб. 1890 г. 1. 168

ствительнаго видѣнія намъ пришлось-бы допустить историческій абсурдъ, что совершившійся при немъ великій историческій переворотъ основывался на простой случайности и суевѣрномъ воображеніи Константина ¹⁾.

Заслуживаетъ вниманія, что разсказъ Евсевія о сверхъестественномъ событіи, открывшемъ способъ для одержанія побѣды надъ непріателемъ, подтверждается свидѣтельствами Лактанція, Созомена и языческихъ писателей. Разсказъ Лактанція слѣдующій. Константинъ остановился противъ моста Мульвія. Приближалось 27 Октября. Во время сна (in quiete) Константинъ получилъ вразумленіе, чтобы онъ изобразилъ на щитахъ небесное знаменіе Бога (celestum Signum Dei). Константинъ и сдѣлалъ такъ, какъ ему было открыто: изобразилъ на щитахъ монограмму и, вооруженный этимъ знаменіемъ, выступилъ въ походъ. Произошла битва съ Максентіемъ, и Константину досталась побѣда. Сочиненіе Лактанція „о смерти гонителей“ (De morte persecutorum) появилось въ концѣ 313 года по выводамъ Болотова, а по другимъ—не позже 315 года ²⁾. По разсказу Созомена ³⁾, когда Константинъ отправлялся въ походъ противъ Максентія, онъ видѣлъ во снѣ знаменіе креста, на небеси блиставшее, и представшій ангелъ сказалъ: „О, Константинъ, симъ побѣждай“. А другіе говорятъ, что явился самъ Христосъ. Повѣствованіе Созомена посвящено Θεодосію Младшему и въ 440 году передано ему въ Константинополь ⁴⁾. Между тѣмъ Галльскій риторъ *Назарій*, говорившій въ 321 году похвальное слово Константину Великому, утверждалъ, будто во всей Галліи разсказывали, что *видны были на небѣ войска, заявлявшія, что они посланы отъ Бога*. И хотя небесное не является земному, однако видѣли, какъ помощь страшно сіяла, и щиты, которые воины несли, блестяли, а сами они говорили: „Мы идемъ на помощь Константину“ ⁵⁾.

¹⁾ *Фарраръ*. Первые дни христіанства. 1888 года, стр. 761—764.

²⁾ Болотовъ III, 9.

³⁾ Созоменъ. 1, 3.

⁴⁾ Болотовъ. III, 14.

⁵⁾ Разнообразныя свидѣтельства церковныхъ и языческихъ писателей, хотя и въ разныхъ формахъ, указываютъ, однако, что несомнѣнно Константинъ одержалъ побѣду надъ своимъ противникомъ, благодаря особому чудесному содѣйствію Божественнаго Промысла. Но если-бы и при этомъ возникало затрудненіе относительно точнаго

Въ какой степени императоръ Константинъ былъ лично убѣжденъ, что онъ одержалъ побѣду надъ Максентіемъ, благодаря крестному знаменію, выразительно свидѣтельствуешь слѣдующій фактъ. По его желанію, въ Римѣ была поставлена ему статуя съ высокимъ копьемъ, на подобіе креста, съ надписью: „Этимъ спасительнымъ знаменіемъ, испытаннымъ доказательствомъ мужества, я освободилъ вашъ городъ отъ власти тирана, возвратилъ сенату и римскому народу свободу, честь и знаменитость“¹⁾. Сенатъ римскій воздвигаетъ побѣдителю торжественную арку, написавъ гдѣ было надо, что побѣда одержана по внушенію Божества (*instinctu Divinitatis*). Многія обстоятельства доказываютъ, что въ побѣдѣ надъ Максентіемъ Константинъ видѣлъ очевидно проявленное дѣйствіе христіанскаго Бога. Такъ, именно съ этого времени вводится крестная хоругвь въ употребленіе въ войскахъ. Самъ Константинъ съ этого-же времени носить на своемъ шлемѣ монограмму имени Христа. Впослѣдствіи Константинъ любилъ рассказывать о божественной и неизреченной силѣ спасительной хоругви²⁾. Избравъ 50 мужей, отличавшихся крѣпостью тѣла и силою души, онъ повелѣлъ имъ состоять единственно при служеніи этому знамени³⁾. Въ лагеря, въ весьма далекомъ разстояніи отъ него, онъ обыкновенно ставилъ палатку кресту, куда и удалялся передъ сраженіемъ на нѣсколько дней.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ чудесной побѣды Константина надъ Максентіемъ было изданіе, совмѣстно съ соправителемъ Ликиніемъ, Миланскаго эдикта въ Мартѣ 313 года, предоставившаго христіанамъ давно желанную свободу вѣры⁴⁾. Этимъ эдиктомъ объявлялась всѣмъ полная свобода слѣдовать той религіи, какой кто можетъ и какую считаетъ для себя наилучшею. Но такъ какъ рѣшался вопросъ о религіи христіанъ, то, примѣнительно къ нимъ, говорилось: „пусть рѣшительно никому не запрещается избирать и соблюдать представленія чудеснаго событія въ его внѣшней обыкновенной формѣ, то въ научномъ отношеніи имѣть значеніе то субъективное впечатлѣніе, которое видѣніе произвело въ душѣ К—на, а впечатлѣніе это говорить въ пользу чуда.

1) Евсевія Церк. Истор., кн. 9, гл. 9. Жизнь К—на, кн. I, гл. 40.

2) Евсевія Жизнь Константина кн. гл. 7, 9, 11, 16, 11, 8.

3) Ж. К. 11, 8

4) Евсевій. Церк. Истор. кн. 10, гл. 5.

христіанское богопочитаніе. И кто по собственному убѣжденію избереть христіанскую религію, пусть соблюдаетъ ее свободно и неуклонно, безъ всякаго затрудненія ¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-бы въ заглаженіе вѣковыхъ несправедливостей къ христіанамъ, повелѣно было немедленно безъ всякаго взыска возвратить имъ мѣста богослужебныхъ собраний и всѣ недвижимыя имущества, отнятыя у церкви во время гоненій, даже въ томъ случаѣ, если они перешли какимъ-бы то ни было образомъ, покупкою отъ казны, или въ видѣ подарка, во владѣніе частныхъ лицъ, предоставляя этимъ послѣднимъ право требовать, взаимъ ихъ, соотвѣтствовавшее вознагражденіе себѣ отъ правительства законнымъ порядкомъ.

Миланскій эдиктъ оцѣнивается историками неодинаково.

Одни историки ставятъ этотъ эдиктъ въ непосредственную связь съ предшествовавшими толерантными эдиктами, особенно съ эдиктомъ Галерія, изданнымъ въ 311 году, и признаютъ эти эдикты однородными въ смыслѣ признанія христіанской религіи *толерантной*, наравнѣ съ религіей языческой. Другіе историки необыкновенно возвышаютъ значеніе Миланскаго эдикта, полагая, что на основаніи его религія христіанская признана религіею господствующею, *государственною*. Но такіе взгляды должны быть признаны одинаково не соотвѣтствующими дѣйствительности. Конечно, Миланскій эдиктъ имѣетъ связь съ прежними эдиктами въ смыслѣ поступательнаго движенія по облегченію христіанъ, бывшаго результатомъ постепеннаго ознакомленія съ особенностями христіанства и сознаніемъ его безвредности. По замѣчанію одного историка, Миланскій эдиктъ не явился случайнымъ подаркомъ исторіи, а былъ истиннымъ даромъ Небесъ, выстрадааннымъ дорогою цѣною; онъ былъ продуктомъ всего хода предшествовавшей исторіи христіанства и геніальнаго прозрѣнія въ этотъ ходъ великаго императора, бывшаго орудіемъ Промысла Божія ²⁾. Постулять исторіи нашель свое осуществленіе. Но между двумя толерантными эдиктами было слишкомъ большое различіе. Эдиктъ Галерія

¹⁾ Думаютъ, что эти слова направлены противъ Миланскаго эдикта 312 года, которымъ принятіе хр-ва было затруднено какими-то условіями. Этотъ эдиктъ не сохранился; предполагаютъ, что онъ былъ изданъ до войны съ Максентіемъ. *Лебедевъ*. Эпоха гоненій, стр. 354. *Болотовъ*. Лекціи 11, 163.

²⁾ Церковный Вѣстникъ 1913 г. № 20 (Арх. Анатолій).

311 года, при признаніи христіанства религіею дозволенною, (*religio licita*) не давалъ христіанамъ права пропаганды, которое было необходимымъ условіемъ для существованія Церкви и ея процвѣтанія. Кромѣ того, въ требованіи отъ христіанъ „не дѣлать ничего противозаконнаго“, которымъ заканчивался этотъ толерантный указъ,—при злонамѣренномъ его толкованіи,—могли допускаться новыя насилія. Завершеніе борьбы съ язычествомъ могъ представить только Миланскій эдиктъ, которымъ разъ навсегда былъ положенъ конецъ репрессивной политикѣ римскаго правительства предоставленіемъ полной свободы христіанамъ, съ *предоставленіемъ права каждому желающему свободно принимать новую вѣру* и безпрепятственно исповѣдывать ее. Отъ Миланскаго эдикта идетъ починъ новаго порядка вещей. Основное начало поставлено здѣсь съ достаточною силою для поддержанія этого порядка. Распоряженія этого эдикта исходятъ не отъ уничтоженнаго государя, какъ Галліэнъ, или умиравшаго, каковымъ былъ Галерій, но отъ императора, побѣда котораго сдѣлала его неоспоримымъ владыкою запада ¹⁾. Однако, нельзя согласиться и съ тѣмъ, чтобы Миланскимъ эдиктомъ христіанство признано было религіею господствующею, государственною. Язычество не лишалось своихъ правъ, у него не были отняты тѣ привиллегіи, которыя дѣлали его религіею господствующею; но все-же ему отводилось въ государствѣ какъ-бы *второе мѣсто*, какъ показываетъ въ эдиктѣ снисходительная уступка, что, *кромѣ христіанъ*, и другіе получаютъ право по желанію соблюдать свои обычаи, свою вѣру ²⁾. Паритетъ религій такимъ образомъ съ теченіемъ времени долженъ былъ нарушиться и сопровождаться замѣною одной религіи другою. Такимъ образомъ предрѣшался вопросъ объ окончательной побѣдѣ христіанства надъ язычествомъ, подготовлялся путь къ предоставленію христіанству, какъ истинной божественной религіи, государ-

¹⁾ *И. Аларъ*. Христіанство и Римская имперія. СПб. 1898, 149.

²⁾ Христіанство, по замѣчанію проф. А. П. Лебедева, этимъ актомъ не поставлено въ рядъ съ прочими многими и безопасными религіями въ государствѣ, а поставлено *выше всѣхъ ихъ*, объявлено стоящимъ во главѣ всѣхъ религій, провозглашено единственною религіею, значеніе которой, признаваемое теперь, Государемъ, должны были рано, или поздно признать и всѣ подданные. *Лебедевъ*. Эпоха гоненій... 378.

ственного значенія. Лучшимъ комментариемъ того положенія, которое должна была занять религія христіанская, по смыслу Миланскаго эдикта, служить послѣдовавшая религіозная политика Константина. Какъ ни терпимо онъ относился къ язычеству, но онъ своимъ долгомъ считалъ *покровительственно относиться не къ нему, а къ христіанству*. Важно, что онъ далъ своимъ сыновьямъ христіанское воспитаніе и тѣмъ ясно опредѣлилъ задачи религіозной политики для своихъ преемниковъ.

Велики и разнообразны были *послѣдствія Миланскаго эдикта*. Онъ въ полномъ смыслѣ слова *открылъ собою новую эпоху въ исторической жизни христіанской Церкви*. Изъ гонимой, угнетенной Церкви съ теченіемъ времени вступила въ положеніе господствующаго учрежденія въ Греко-Римской имперіи¹⁾. Много выставила христіанская Церковь во время трехвѣковыхъ гоненій героевъ мучениковъ, но теперь прекращалось кровопролитіе, и Церковь, въ лицѣ перваго христіанскаго императора, восходитъ съ эшафота на тронъ. Она покрываетъ себя славою, а язычество съ позоромъ терпитъ пораженіе,—пораженіе, тѣмъ болѣе тяжкое, чѣмъ больше усилій употребляло оно въ своей борьбѣ съ христіанствомъ. Противъ христіанства возставали темныя суевѣрныя и деморализованныя народныя массы, храбрые и воинственные государи и выдающіеся представители языческой культуры; но побѣда христіанства была тѣмъ величественнѣе и блистательнѣе, чѣмъ больше выступало противъ него враговъ. Теперь, послѣ своего пораженія, язычество отходить на задній планъ. Лишенное правительственной поддержки, оно съ большею наглядностью проявляетъ признаки своего паденія и разложенія, и никакія попытки къ гальванизованію и возрожденію его не могли имѣть успѣха.

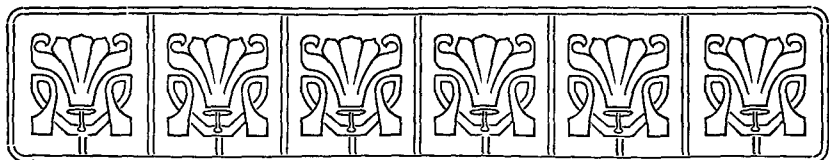
А между тѣмъ, новый періодъ исторіи Церкви, открывшійся Миланскимъ эдиктомъ, былъ періодомъ ея всесторонняго процвѣтанія. Особенно блестящіе результаты наставшаго для Церкви спокойствія наступаютъ во внутренней ея жизни. Они проявляются въ томъ необыкновенномъ оживленіи, которое

¹⁾ По выразительному замѣчанію проф. Болотова, 313 годъ время изданія Миланскаго эдикта, есть истинный принципиальный конецъ для положенія *ecclesia pressa* и слѣдовательно, надлежащее начало для втораго церковнаго періода. I, 226.

имѣло своею цѣлью всестороннее благоустройство Церкви. Яснѣ всего это оживленіе проявляется въ попыткахъ къ раскрытію и уясненію христіанскаго вѣроученія. Правда, эти попытки сопровождались появленіемъ разнаго рода новыхъ ересей; но зато въ это-же время созываются вселенскіе соборы, на которыхъ ереси опровергаются, и христіанское ученіе получаетъ формулированіе въ самомъ точномъ и опредѣленномъ смыслѣ. Новый періодъ является золотымъ періодомъ церковной письменности. Богословская мысль развивается здѣсь во всей красотѣ и полнотѣ. Выступаетъ цѣлый рядъ великихъ представителей Церкви, бывшихъ самыми энергичными самоотверженными проводниками и защитниками православія до готовности пострадать за свои убѣжденія. Въ сознаніи величайшихъ представителей Церкви этого періода героическая стойкость за православіе была естественною замѣною героизма исповѣдниковъ предшествовавшаго періода. Богослуженіе христіанское получаетъ постепенно полную опредѣленность и величественность, особенно при примѣненіи къ нему различныхъ видовъ искусствъ. Оно теперь совершается не въ мрачныхъ подземныхъ катакомбахъ, но на открытыхъ мѣстахъ и часто въ величественныхъ храмахъ. Возвышенные моральные принципы христіанской религіи вносятъ новый гуманитарный духъ въ государственное законодательство путемъ ограниченія и смягченія наказаній за преступленія и установленія такихъ нормъ въ семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ, при которыхъ прогрессивное теченіе жизни могло мириться съ высшими идеальными требованіями религіи христіанской. Въ общественной жизни благотворное вліяніе христіанства выражается въ такихъ новыхъ формахъ, какъ общественная благотворительность и монашество. Появился цѣлый рядъ такихъ благотѣльныхъ для человѣчества учрежденій, какъ разнаго рода благотворительныя заведенія, монастыри и школы. Правда, всѣ эти перемѣны въ религіозной жизни христіанъ происходили постепенно, вѣками; но онѣ начались при Константинѣ, со времени изданія Миланскаго эдикта, были принципиально вызваны условіями, опредѣленными и санкціонированными Миланскимъ эдиктомъ.

А. Вертиловскій.

(Продолженіе будетъ).

ТОРЖЕСТВО ХРИСТИАНСТВА НАДЪ ЯЗЫЧЕСТВОМЪ ПРИ КОНСТАНТИНѢ ВЕЛИКОМЪ.

(Продолженіе) *).

II. Религіозно-политическая дѣятельность Константина Великаго до побѣды его надъ Ликиніемъ.

Подъ вліяніемъ чудеснаго событія, послѣдовавшаго въ 312 году, Константинъ несомнѣнно обратился въ христіанство, хотя и не объявилъ себя открыто исповѣдникомъ новой религіи¹⁾. Заслуживаетъ вниманія, что панегиристы, описывавшіе всгупленіе Константина въ Римъ послѣ битвы у Мильвійскаго моста, говорятъ о тѣхъ зрѣлищахъ, на которыхъ онъ присутствовалъ, но не упоминаютъ ни о жертвоприношеніяхъ, ни даже о посѣщеніи Римскаго капітолія²⁾. Въ 313 году онъ лично уклонился отъ празднованія столѣтнихъ игръ, которыя были запечатлѣны духомъ язычества³⁾. Однако Константинъ Великій, какъ государь мудрый, дѣйствовалъ необыкновенно осторожно и осмотрительно, чтобы не возбуждать противъ себя язычниковъ. Сначала онъ старался поставить христіанство въ равное положеніе съ язычествомъ, предоставляя христіанамъ всѣ тѣ права религіозныя и гражданскія, которыми пользовались язычники, а потомъ сталъ принимать болѣе рѣшительныя мѣры къ возвышенію христіанства *на степень первенствующей религіи*. Такая осторожность Константина въ религіозно-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 17 за 1913 г.

1) *Schultze* въ R. E. Bd. 10 s. 762.

2) *А. Лларъ*. Цитованное сочиненіе стр. 158.

3) *Евсевій*, Церк. Исторія, кн. 10, гл. 5 и 9.

политической дѣятельности объясняется тѣмъ, что его сподвижникъ Ликийскій, управлявшій восточною римскою имперіею, подписавъ Миланскій эдиктъ видимо формально, сталъ склоняться къ покровительству язычникамъ. Потому рѣшительныя мѣры Константина въ пользу христіанъ могли встрѣтить противодѣйствіе прежде всего со стороны Ликийскія. Крутой поворотъ въ религиозной политикѣ могъ вызвать даже общее возстаніе противъ Константина со стороны язычниковъ, закоренѣлыхъ въ грубыхъ суевѣріяхъ и предразсудкахъ. Но все, что имѣло прямое основаніе въ Миланскомъ эдиктѣ, дѣлалось въ пользу христіанъ, въ предѣлахъ Западной Римской Имперіи, подвластной Константину. Такъ, Константинъ настоялъ прежде всего на скорѣйшемъ выполненіи требованія эдикта по возвращенію христіанамъ отнятыхъ у нихъ храмовъ, имуществъ, съ необходимымъ вознагражденіемъ частныхъ лицъ, къ которымъ перешли эти имущества изъ казны, а также на освобожденіи христіанъ, заключенныхъ въ темницахъ, или бывшихъ въ изгнаніи и возвращеніи ихъ въ свои дома. Трудно представить себѣ ту радость и ту горячую благодарность, съ какой христіане приняли тѣ милости, которыя столь обильно посыпались на нихъ съ высоты трона, откуда они привыкли ожидать себѣ бѣдствій и казней. Все, происходившее на ихъ глазахъ, превосходило всякое вѣроятіе: церкви отворялись, и богослуженіе совершалось открыто, прежнія несчастья, ссылки, конфискаціи имуществъ, тюрьмы, истязанія и казни прошли, какъ страшный, но невозвратный сонъ; епископы стали окружать престолъ, и самъ царь бесѣдовалъ съ ними, раздѣлялъ трапезу и заботился о нуждахъ церкви. Христіане видѣли, что времена мрака и заблужденія языческаго окончились, и настало царство Божіе. Онъ „ангелъ Божій, другъ Царя Небеснаго“—не разъ по этому поводу восклицаетъ Евсевій¹⁾. Всѣ почувствовали себя живущими подъ новымъ лучшимъ христіанскимъ правительствомъ. „Теперь“,—восторженно пишетъ Евсевій: „свѣтлый и ясный день, не омраченный никакимъ облакомъ, озарилъ лучами небеснаго свѣта церкви Христовой во всей вселенной“. Мы должны сознаться, что счастье наше выше нашихъ заслугъ; мы

¹⁾ *Евсевій*, Жизнь Константина, II, 10; I, 3; IV, 46.

приведены въ величайшее изумленіе благодатію Виновника столь великихъ даровъ, достойно дивимся ему и говоримъ съ пророкомъ: „*приидите и видите дѣла Божіи, яже положи чудеса на земли*“. (Пс. 45, 9). Люди всякаго возраста, мужскаго и женскаго пола всею силою души, радуясь умомъ и сердцемъ, возсылаютъ молитвы и благодаренія Богу. 1). Потомъ издается рядъ частныхъ постановленій о предоставленіи Церкви, какъ самостоятельному обществу вѣрующихъ (*corpus christianorum*) тѣхъ привилегій, которыми облечены были языческія религіозныя корпораціи. Таковы законы, или рескрипты 313, 316, 319 и 320 годовъ. Такъ, въ 313 году духовныя лица были освобождены отъ муниципальных должностей, соединенныхъ тогда съ тяжкими обязанностями, требующими большихъ расходовъ. Рескриптами 319 и 320 г. г. священники освобождены отъ всякихъ общественныхъ налоговъ, такъ какъ и языческіе жрецы пользовались этой свободой 2). Въ то-же время послѣдовало разрѣшеніе оставлять по завѣщаніямъ имущества въ пользу православныхъ церквей, подобно тому, какъ и языческіе храмы во всѣ времена имѣли право на полученіе даровъ и наслѣдствъ 3). Въ 321 году изданъ былъ Константиномъ законъ о святости *воскреснаго* дня, повторенный и расширенный его преемниками. По мысли Константина, въ эти дни пріостанавливались всякаго рода ремесла, кромѣ земледѣлія; прекращалось судопроизводство, не допускалось воинскихъ упражненій, въ послѣдствіи воспрещены были театры. Празднованіе воскреснаго дня онъ ввелъ и въ свои войска, гдѣ каждый легіонъ получалъ особыхъ священниковъ и діаконовъ и устраивалъ особую палатку для богослуженія 4). Впрочемъ, этотъ законъ не былъ исключительнымъ благоволеніемъ по отношенію къ христіанамъ: онъ ставилъ только ихъ праздничные дни на ту-же высоту, на какой находились языческіе праздники (*feriae*), въ теченіе которыхъ должна была прекращаться всякая работа, какая не была необходима 5). Но

1) *Евсевій*, Церк. истор., кн. 10, гл. I, 3.

2) *Тамъ-же*.

3) *Moeller*, Lehrbuch der Kirschengeschichte s. 414. Алярь, 157.

4) Созоменъ, Церк. Ист. кн. I, гл. 9, стр. 38.

5) *Cod Theod.* IX 40 по указаніямъ историка *Moeller'a* s. 414.

были издаваемы Константиномъ и такіе законы, которые производили совершенно *новыя перемѣны* въ семейномъ и общественномъ быту и въ которыхъ явно проявлялся гуманитарный христіанскій духъ ¹⁾. Такъ, въ 315 году императоръ уничтожилъ смертную казнь черезъ распятіе на крестѣ и перебитіе ногъ; онъ запретилъ клеймить лицо осужденныхъ, какъ созданное „по подобію Божественной красоты“ ²⁾.

Законами, изданными въ 316 и 321 г. г., предоставлено было Церкви отпускать рабовъ на свободу, причемъ освобожденіе рабовъ признано было дѣломъ богоугоднымъ, которое должно быть совершаемо въ особые праздники (такъ называемые *feriae*), какъ дни, свободные отъ житейскихъ занятій ³⁾. Отпущенный въ церковномъ собраніи рабъ пользовался свободою, какъ если-бы онъ былъ отпущенъ предъ преторомъ. Самое отпущеніе рабовъ было обставлено такими формальностями, которыя дѣлали этотъ актъ дѣйствительнымъ только при участіи и посредствѣ Церкви, *предпочтительно предъ гражданскими дѣйствіями*. Именно, со времени Константина, освобожденіе могло совершаться только или по духовному завѣщанію или по акту, составленному передъ епископомъ. До того времени оно совершалось предъ преторомъ. Такъ какъ теперь освобожденіе предъ преторомъ не имѣло мѣста, то оно происходило при особыхъ условіяхъ (*per epistolam, per mensam, per amicos*). Порядокъ былъ такой. Освобождающій раба давалъ частное письмо, призывалъ освобожденнаго къ столу, гдѣ онъ сидѣлъ вмѣстѣ съ друзьями и давалъ ему свободу. Но такой рабъ, хотя и становился свободнымъ, однако не пользовался гражданской свободою, т. е. не былъ признанъ правительствомъ и не могъ составлять духовныхъ завѣщаній. Между тѣмъ, рабъ, освобожденный предъ епископомъ, становился полноправнымъ гражданиномъ ⁴⁾.

Христіанская нравственность поддерживалась законодательствомъ даже въ такихъ сторонахъ, которыя прямо противорѣчили древне-римскимъ воззрѣніямъ и даже госу-

¹⁾ Созоменъ, I, 8, стр. 36.

²⁾ Cod Theod. IV., 7. По указаніямъ Moeller'a.

³⁾ Moeller, I, 414. Агляръ, стр. 161.

⁴⁾ Болотовъ, III, 136

дарственнымъ интересамъ. Такъ, въ 320 году послѣдовало отмѣненіе такихъ древнихъ постановленій (*lex Julia et Orpascia*), которыми безбрачіе облагалось высокими денежными налогами съ яснымъ поощреніемъ христіанскаго дѣвства¹⁾. Происходитъ большая перемѣна въ сферѣ судопроизводства, вслѣдствіе санкціонированія епископскаго суда, приговоръ котораго признается обязательнымъ даже со стороны государства. Судъ епископскій представлялъ даже высшую инстанцію въ тяжёбныхъ процессахъ. Константинъ позволилъ перенесеніе дѣла гражданскаго вѣдомства на третейскій судъ епископа, когда обѣ тяжущіяся стороны убѣждались, что ихъ дѣло легче можетъ быть рѣшено въ третейскомъ судѣ. Рѣшенія епископовъ признавались окончательными и безапелляционными. Въ высшей степени важно въ данномъ случаѣ одно обстоятельство. Формы епископскаго суда были значительно упрощены, обрядъ судоговоренія былъ простъ. Формальное судопроизводство было для тяжущихся истиннымъ капканомъ: стоило только пропустить срокъ—и лицо теряло права на веденіе дѣла. Епископскій судъ былъ сравнительно скоръ, а потому естественно могъ успѣшно конкурировать съ судомъ государственнымъ²⁾. Таково было отношеніе Константина Великаго къ христіанству.

Что касается до язычества, то хотя Константинъ и не питалъ къ нему личной расположенности, но по политическимъ причинамъ, согласно съ требованіями Миланскаго эдикта, онъ признавалъ отжившую религію религіею терпимою. Константинъ не упускалъ изъ виду, что язычники составляли преобладающее большинство въ государствѣ, а потому всякаго рода репрессіи по отношенію къ дѣлу религіи могли вызвать фанатическое раздраженіе, которое могло вести къ разрушенію задуманной религіозной реформы. Поэтому, Константинъ сохранялъ за язычниками всѣ тѣ привилегіи, которыми они пользовались, оставляя неприкосновенными ихъ общія права на устройство и поддержаніе храмовъ, на совершеніе богослуженія, сообразно съ основными требованіями культа, на сохраненіе прежнихъ правъ со стороны жрецовъ и т. д. Императоръ даже удержалъ за

¹⁾ *Cod. Theod.* VIII, 16, *Moeller*, 414.

²⁾ *Moeller*, 415. *Болотовъ*, III, 129.

собой титулъ верховнаго жреца (Pontifex Maximus), въ силу котораго онъ обязанъ былъ и на будущее время заботиться о сохраненіи въ неприкосновенной цѣлости языческаго культа. Константинъ не могъ отказаться отъ сана верховнаго жреца не только потому, что это требовалось равноправностью религій, но и потому, что такимъ путемъ, согласно съ установившимися традиціями, поддерживался престижъ императорской власти. Передать эту роль верховнаго жреца въ руки частнаго лица значило облечь его опасною властью и почти навѣрное создать себѣ соперника ¹⁾. Тѣмъ не менѣе Константинъ пользовался своими высокими правами и для того, чтобы упорядочить языческій культъ настолько, насколько это было необходимо въ интересахъ политической безопасности, общественнаго благосостоянія и нравственности. Такъ въ 319 году изданы были законы противъ злоупотребленій искусствомъ прорицанія: этими законами имѣлось въ виду запретить входъ въ частные дома гаруспексамъ и жрецамъ, которые дѣлали для себя ремесломъ отгадываніе будущаго. Занятіе гаруспиціями дозволялось только въ храмахъ публично и по освященнымъ обрядамъ. Одинъ изъ рескриптовъ 321 года дополняетъ эту мысль императора. Онъ угрожаетъ строгими наказаніями тѣмъ, магическія волшебства которыхъ будутъ направлены противъ жизни или нравственности; изъ этого правила исключаются невинныя средства, имѣвшія единственною цѣль излѣченіе болѣзней, или предохраненіе отъ порчи урожая ²⁾. Какъ Константинъ ни щадилъ язычества, однако и въ первый періодъ своего царствованія онъ называлъ его безъ всякой церемоніи „*суетвріемъ*“ или „*устарѣвшимъ злоупотребленіемъ*“.

¹⁾ Альярь, стр. 183. *Тертуллианъ*, кажется, предвидѣлъ эту не-правильность положенія императора, остающагося глaвнымъ официальнымъ лицомъ языческой религіи. „Невозможно въ одно и то-же время быть цезаремъ и христіаниномъ“. (Апол. 21). Впрочемъ, *Шульцъ* находитъ, что своимъ правомъ Pontifex'a Maximus'a на христіанской почвѣ государь могъ пользоваться искусно для ослабленія язычества. У христіанскаго императора всегда оставался прямой путь воздѣйствія на античный культъ, котораго не оставляютъ все пре-емники Константина.

²⁾ Альярь, стр. 155.

Въ 319 году Константинъ въ одномъ указѣ о язычникахъ пишетъ: „желающіе рабствовать своему суевѣрію могутъ отправлять свои обряды“ и затѣмъ императоръ говорить: „можете идти къ своимъ общественнымъ жертвамъ, ибо мы не запрещаемъ совершать явно дѣла устарѣвшаго злоупотребленія (praeterita usurpatio). Очевидно, Константинъ только не лишалъ языческаго культа государственной терпимости, какъ не лишался этой терпимости при Галеріи культъ христіанскій ¹⁾. Съ большею рѣшительностью Константинъ выступаетъ противъ язычества послѣ борьбы съ Ликиніемъ, правителемъ восточныхъ областей Имперіи,

Ликиній былъ закоренѣлымъ язычникомъ до глубокой старости. Онъ, правда, согласился на признаніе законности Миланскаго эдикта, но по временнымъ политическимъ побужденіямъ, ради поддержанія союза съ Константиномъ и устраненія тѣхъ волненій, которыя слишкомъ губительно дѣйствовали на Римскую Имперію. Когда-же онъ сталъ замѣчать возрастаніе могущества Константина, благодаря поддержкѣ, оказываемой со стороны христіанъ, то, опасаясь за свою власть, началъ относиться къ своему сопернику подозрительно и враждебно. Такія отношенія вызвали даже между соперниками за единовластіе войну, закончившуюся для Ликинія пораженіями (при Кибалахъ въ Паноніи и при Марди во Фракіи въ 314 году). Приписывая свои неудачи христіанамъ, дѣйствовавшимъ съ особою энергіею въ пользу Константина, Ликиній явно сталъ покровительствовать язычникамъ и преслѣдовать христіанъ, считая ихъ своими врагами ²⁾. Такъ, онъ запретилъ епископамъ составлять соборы и вообще выходить изъ предѣловъ своихъ епархій. Въ Никомидіи запретилъ христіанамъ собираться для богослуженія въ церквахъ; молиться они могли подъ открытымъ небомъ на свѣжемъ воздухѣ. Въ Понтѣ Ликиній приказалъ частью разрушить, а частью закрыть тамошнія церкви, ссылаясь на то, что въ нихъ христіане молятся не за него, а за Константина ³⁾. Всѣ христіане были удалены изъ числа его приближенныхъ, лишены военныхъ и гражданскихъ должностей

¹⁾ Лебедевъ, Эпоха гоненій, стр. 391.

²⁾ Созом. Церк. Истор. гл. 7.

³⁾ Евсевій. Жизнь Константина. кн. 2, гл. 1 и 2

и замѣнены язычниками¹⁾. Мѣстные правители, слѣдуя примѣру Ликинія, пошли дальше его, лишая ревностныхъ христіанъ имущества, ссылая ихъ въ ссылку и даже осуждая на смерть. Такъ, въ Малой Арменіи были заморожены 40 воиновъ въ Севастійскомъ озерѣ²⁾. Къ такимъ насиліямъ не могъ отнестись равнодушно Константинъ. Послѣдовала новая борьба, которая имѣла религіозный характеръ. Христіане и язычники одинаково придавали ей важное значеніе по рѣшенію вопроса о томъ, какая сторона возьметъ перевѣсъ. Для христіанъ начавшаяся война была какъ-бы *крестовымъ походомъ* противъ язычниковъ. Но и язычники понимали, что эта война должна показать, побѣдятъ-ли ихъ боги Бога чужеземнаго, Которому поклонялись христіане. Обѣ стороны приготовлялись къ битвамъ, сообразно съ своими религіозными убѣжденіями. Ликиній подготовлялъ свои войска къ битвѣ жертвоприношеніями и прорицаніями, а Константинъ, передъ началомъ сраженія, обращался съ открытою и горячею молитвою къ Богу, повелѣвая по рядамъ войскъ, при содѣйствіи священниковъ, обносить Лабарумъ. Аугуры, гаруспиксы и всякаго рода прорицатели предсказывали Ликинію побѣду. Онъ самъ передъ сраженіемъ и послѣ обычнаго жертвоприношенія въ роцѣ обратился къ своимъ солдатамъ съ такой рѣчью: „Вотъ передъ нами отечественные боги, и мы чтимъ ихъ по преданію отъ предковъ. Но нашъ противникъ, отвергнувъ отечественные обычаи, прославляетъ какого-то чуждаго, неизвѣстно откуда взятаго Бога. Онъ срамить свое войско Его постыднымъ знаменемъ и, довѣрившись Ему, поднимаетъ оружіе не столько противъ насъ, сколько противъ оставленныхъ имъ боговъ. Настоящее время должно открыть, кто изъ насъ въ заблужденіи... Если сильнѣйшимъ окажется этотъ чуждый, теперь нами осмѣиваемый Богъ, то и намъ нужно будетъ признать Его и оставить тѣхъ, которымъ напрасно зажигаемъ свѣчи. Если-же побѣдятъ наши боги, что несомнѣнно, то послѣ теперешней побѣды устремимся войною на безбожниковъ“.—Ясно, что въ случаѣ пораженія, христіанамъ опять угрожала потеря свободы, и можетъ быть предстояло новое гоненіе. Но Константинъ твердо уповалъ на Бога и упованіе

¹⁾ Тамъ-же, кн. 1, гл. 52 и 54.

²⁾ *Евсевій*, тамъ-же, кн. 2, гл. 2.

его не посрамило. Сопутствуемый лабарамумомъ, онъ, при участіи священнослужителей, мужественно выступилъ противъ Ликинія. Непрiятельское войско было разбито, и самъ Ликиній, просившій пощады у своего противника, получилъ ее; но вскорѣ нарушилъ условія мира, снова возсталъ на Константина и въ настоящій разъ потерялъ вмѣстѣ съ жизнью и царство. Теперь христіанство, въ лицѣ Константина, не принципиально только, но фактически одержало новую рѣшительную побѣду надъ греко-римскимъ язычествомъ, которая должна была сопровождаться отмѣненіемъ всего того, что было несогласно съ Миланскимъ эдиктомъ и было допущено вслѣдствіе вѣроломной политики Ликинія ¹⁾.

III. Религіозно-политическая дѣятельность Константина В., по достиженіи имъ единодержавія въ Греко-Римской Имперіи.

Побѣда надъ Ликиніемъ (323 г.), открывшая Константину путь къ единодержавію, служила для него новымъ доказательствомъ могущества той вѣры, подъ знаменемъ которой побѣда была одержана и не оставляла никакого сомнѣнія о томъ, въ какомъ направленіи онъ долженъ дѣйствовать, при управленіи государствомъ. Эта новая побѣда, въ связи съ предшествовавшими обстоятельствами, еще болѣе убѣдила Константина, что онъ лично въ своихъ предпріятіяхъ пользовался особеннымъ покровительствомъ Божиимъ, и Божественное Провидѣніе предназначаетъ его для высшихъ цѣлей. Онъ открыто заявляетъ, что миссія его заключается въ томъ, чтобы родъ человѣческой призвать къ служенію священнѣйшему закону (христіанству) и подъ руководствомъ Высочайшаго Существа возрастить блаженнѣйшую вѣру ²⁾. Онъ еще съ большею рѣшительностью исповѣдуетъ свою преданность Христу ³⁾, даже въ официальныхъ документахъ

¹⁾ Извѣстно, что нѣкоторые историки ставятъ въ вину Константину, что онъ казнилъ Ликинія противъ клятвеннаго обѣщанія пощадить его жизнь. Но можетъ ли клятвенное обѣщаніе сохранять свою обязательную силу въ договорахъ, если противная сторона нарушаетъ договоръ? Притомъ Константинъ могъ прибѣгнуть къ такой рѣшительной мѣрѣ по настоянію своихъ легионовъ, опасавшихся, какъ-бы Ликиній не устроилъ заговора, какъ это допускаетъ проф. *Болотовъ* III, 35

²⁾ Евсевій, Жизнь К—на, II, 28.

³⁾ Тамъ-же.

не обходится безъ того, чтобы въ лирическомъ восторгѣ не излить свое исповѣданіе. „Теперь молю Тебя, Всеблагій Боже“,—пишетъ онъ въ одномъ изъ посланій областнымъ правителямъ имперіи: „подъ Твоимъ руководствомъ и началъ я и окончилъ дѣло; преднося вездѣ Твое знамя, я велъ побѣдоносное войско и куда призывала меня какая-нибудь общественная необходимость, слѣдовалъ за тѣмъ-же знаменемъ Твоей силы и шель на враговъ. Потому-то и предаю я Тебѣ хорошо испытанную въ любви и страхѣ душу, ибо искренно люблю Твое имя и благоговѣю передъ силою, которую явилъ Ты многими опытами и укрѣпилъ мою вѣру¹⁾. Теперь, по достиженіи единойдержавія, ничто не могло препятствовать Константину, одушевляемому своимъ высокимъ провиденціальнымъ назначеніемъ, открыто исповѣдывать свои религиозныя убѣжденія и дѣйствовать для утвержденія христіанства планомѣрно и послѣдовательно, чтобы въ будущемъ проложить ему путь, какъ религіи господствующей государственной. Константинъ прежде всего заботится о возстановленіи на Востокѣ того положенія, которое занимала Церковь до гоненія Ликинія. Онъ возвратилъ всѣхъ христіанъ, находившихся въ ссылкѣ, или рудникахъ; затѣмъ повелѣлъ, чтобы тѣ, которые лишены были общественныхъ должностей за свою религію, были возстановлены въ нихъ, чтобы собственность исповѣдниковъ была возвращена ихъ наслѣдникамъ, а если ихъ не было, то мѣстной церкви²⁾. Необыкновенная ревность проявлена была Константиномъ по утверженію христіанства въ заботахъ о сооруженіи храмовъ и въ возвышеніи благолѣпія богослуженія. Христіанскія церкви строились на счетъ государства въ Никомидіи, Антиохіи, Римѣ, Іерусалимѣ и другихъ городахъ. По своимъ богатствамъ и внѣшнему виду великолѣпныя храмы, устрояемые въ царствованіе Константина, открывали собою новую эпоху въ области строительнаго искусства. Особыми указами Константинъ предписывалъ правителямъ областей умножать церкви, а епископовъ убѣждалъ украшать ихъ съ должнымъ благолѣпіемъ³⁾. Освященіе церковей сопровождалось торжественными празднествами, на которыя отпускались большія средства изъ

¹⁾ Евсевій, Жизнь Константина, II, 55.

²⁾ Тамъ-же, II, 44.

³⁾ Тамъ-же, II, 45, 46, 48, III, 25.

казны. Церкви одарялись землями, садами и денежными окладами какъ изъ казны, такъ и отъ городовъ. Константинъ продолжалъ также распространять значительныя привилегіи на клиръ и усиливалъ церковную іерархическую организацию: тогда какъ раньше языческое правительство поставляло своею главною задачею ограниченіе и уничтоженіе ея. Мать Константина Елена построила христіанскіе храмы въ Виолеемѣ и на горѣ Елеонской¹⁾. Она-же имѣла счастье найти Животворящій Крестъ Христовъ. На высшія гражданскія и военныя должности Константинъ теперь по преимуществу ставилъ христіанъ. Особенно это преслѣдовалось при замѣщеніи мѣстъ въ провинціяхъ²⁾. Цѣль этой мѣры ясна: при помощи правителей изъ христіанъ императоръ желалъ оказать поддержку епископамъ и митрополитамъ въ ослабленіи язычества³⁾. Рядомъ съ этимъ Константинъ проявлялъ истинно апостольскую ревность въ распространеніи христіанства у сосѣднихъ съ римскою имперіей народовъ. Подъ его покровительствомъ озаряются христіанствомъ Египція, Иверія и даже Индія⁴⁾. Для христіанъ всего міра онъ является попечителемъ и защитникомъ⁵⁾. Узнавъ о существованіи христіанства въ Персіи, Константинъ обращается къ персидскому царю Сапору съ письмомъ, въ которомъ проситъ о покровительствѣ христіанамъ: „да будетъ имъ столь хорошо, сколь хорошо тебѣ (Сапору); да наслаждаются они благополучіемъ, какъ ты. За это Господь всяческихъ, Богъ Отецъ удостоитъ тебя милостью и благословеніемъ. Поручаю ихъ тебѣ, какъ государю великому, ввѣряю ихъ извѣстному твоему благочестію: люби ихъ согласно съ твоимъ челоуѣколюбіемъ“⁶⁾.

Яснымъ выраженіемъ религіозной политики Константина въ такомъ широкомъ христіанскомъ направленіи служатъ монеты его царствованія въ этотъ періодъ. Языческіе символы на нихъ совсѣмъ исчезаютъ. Константинъ изображаетъ себя на монетахъ не какъ прежде—до обращенія въ

1) Евсевій, Жизнь К—на, кн IV, 27, 28, 36, 37, стр. 248—249.

2) Тамъ-же, II, 44. Созом. I, 8. Феодоритъ, I, 2.

3) Тамъ-же, II, 44.

4) Сокр. I, 19, 20, стр. 80

5) Евсевій, Жизнь К—на, IV, 8.

6) Евсевій, Жизнь К—на, IV, 13, стр. 240.

христианство—съ лучами, окружающими голову на подобіе солнца, или Аполлона, а въ видѣ молящагося, съ руками, распростертыми вверхъ, и взоромъ, устремленнымъ на небо ¹⁾. Къ весьма раннимъ группамъ принадлежатъ монеты, изображавшія шлемъ императора, украшенный монограммой Христа. Уже передъ 323 годомъ рядомъ съ монограммою Христа чеканится крестъ ²⁾. Въ связи съ мѣропріятіями, предпринимаемыми для утвержденія христианства въ Греко-Римской имперіи шли заботы Константина и о развитіи законодательства въ томъ-же христианскомъ духѣ, въ какомъ оно началось въ началѣ царствованія до единой державіи. Въ 325 году отмѣняются гладиаторскія побоища, а приговоры на иныхъ преступниковъ замѣняются ссылкой въ рудники ³⁾. Въ 326 году воспрещается конкубинатъ при законномъ бракѣ, а въ 331 году ограничиваются поводы къ разводу ⁴⁾. Въ 334 году церковно-библейское положеніе, что при двухъ свидѣтельствахъ станеть всякъ глаголь, принимается свѣтскимъ гражданскимъ правомъ. Ко всему этому Константинъ издалъ еще много законовъ, которыми воспрещалось распутство во всевозможныхъ видахъ, которое языческимъ правительствомъ не только не преслѣдовалось, но и поощрялось ⁵⁾. Правовыя воззрѣнія такимъ образомъ возвышались въ религіозно-нравственномъ христианскомъ духѣ.

Проявляя въ такихъ опредѣленныхъ формахъ свою преданность религіи христианской, Константинъ рѣшительно выражалъ свою нерасположенность къ язычеству. Въ указахъ, изданныхъ къ жителямъ Востока въ 323 и 324 г.г., Константинъ называетъ язычниковъ *нечестивыми* и *беззаконными* ⁶⁾, ихъ мнѣнія считаетъ развращеннымъ *безуміемъ* ⁷⁾. Потому дѣлаются попытки къ ограниченію государственныхъ жертвъ ⁸⁾. Чиновникамъ (даже языческимъ) вмѣнялось въ обязанность праздновать воскресный день ⁹⁾. Для солдатъ

¹⁾ Тамъ-же, IV, 15.

²⁾ Тамъ-же, I, 31

³⁾ Cod Theod. XI, 12 Moeller, 422.

⁴⁾ Cod. Iust. V, 51 и Cod. Theod. III, 16. Moeller, 422.

⁵⁾ Созоменъ, I, 8, стр. 33.

⁶⁾ Тамъ-же, II, 24.

⁷⁾ II, 48.

⁸⁾ II, 44.

⁹⁾ IV, 23.

была составлена молитва, имѣвшая опредѣленно выраженный монотеистическій характеръ¹⁾. Но какъ прежде, такъ и теперь Константинъ не прибѣгалъ къ насиліямъ для подавленія язычества, сохраняя его привиллегіи. Наряду съ христіанскими привиллегіями и судьями, въ провинціяхъ еще встрѣчались начальствующія лица изъ язычниковъ. На востокѣ большая часть чиновниковъ была изъ христіанъ, а на Западѣ главные правители были изъ язычниковъ. Законами 335 и 337 годовъ подтверждены были въ Африкѣ преимущества постоянныхъ фламиновъ и городскихъ языческихъ управленій. Когда оказалось, что въ средѣ христіанъ стали появляться неразумные ревнители вѣры, позволявшіе себѣ прибѣгать къ разрушенію языческихъ храмовъ, то фанатизмъ такихъ лицъ явно былъ осужденъ Константиномъ. Прежнія кровавыя гоненія языческаго правительства на христіанъ вызывали въ душѣ Константина тяжелыя воспоминанія и потому никакъ не могли повторяться по отношенію къ самимъ язычикамъ. Въ новыхъ эдиктахъ точно также, какъ и въ Миланскомъ эдиктѣ. Константинъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что каждый, кому нравится язычество, можетъ свободно исповѣдывать его, и никто не долженъ посягать на религіозныя права язычниковъ. Это опредѣленіе государя отмѣчено въ указахъ особыми рѣзкими чертами: видно, что законодатель не хотѣлъ, чтобы на этотъ счетъ существовали какія-либо недоразумѣнія среди подданныхъ римскаго государства²⁾. Здѣсь говорится: „хочу, чтобы народъ мой наслаждался спокойствіемъ и безмятежностью, хочу, чтобы, подобно вѣрующимъ, пріятности мира и тишины радостно вкушали и заблуждающіеся. Пусть никто не беспокоитъ другого, пусть каждый дѣлаетъ то, чего хочетъ его душа. Люди здравомыслящіе должны знать, что только тѣ будутъ жить свято и чисто, кого Самъ Богъ призоветъ почитать подѣ святыми Его законами, а отвращающіеся, если угодно, пусть владѣютъ капищами своего лжеученія. У насъ есть святѣйшій храмъ Божественной истины; того-же желаемъ и имъ и пусть они, приходя къ общему единомыслію, стали-бы наслаждаться удовольствіями сердца³⁾).

¹⁾ IV, 15.

²⁾ Лебедевъ, Эпоха гоненій, стр. 410.

³⁾ Евсевій. Жизнь Константина. II, 56—60, стр. 118—150.

Еще разъ Константинъ заявляетъ о своей толерантности въ такихъ словахъ: „Пусть никто не вредить другому. Что одинъ узналъ и понялъ, то пусть употребляетъ въ пользу ближняго, а когда это невозможно, долженъ оставить его. Ибо иное дѣло добровольно устремляться къ безсмертію, а иное быть вынужденнымъ стремиться сюда при посредствѣ наказаній. Говоря объ этомъ, я распространился,—замѣчаетъ законодатель,—въ особенности потому, что нѣкоторые, слышу, утверждаютъ, будто обряды и церемоніи языческихъ храмовъ уничтожились, власть тьмы разрушилась. Этого охотно я желалъ-бы, если-бы сильное противоборство гибельнаго заблужденія не укоренилось слишкомъ глубоко въ душахъ нѣкоторыхъ людей“¹⁾.

Уклоняясь отъ виѣшнихъ репрессій, Константинъ бралъ, такъ сказать, на себя роль миссіонера, стараясь путемъ увѣщаній и убѣжденій располагать язычниковъ къ христіанству. Въ письмахъ, указахъ и бесѣдахъ онъ полемизируетъ съ язычествомъ научными приѣмами, логически доказываетъ несостоятельность политеизма и преимущества единобожія²⁾. Онъ указывалъ на святость христіанскихъ началъ, на божественную истину ненавидимой ими вѣры, на ложь язычества, но *не угрожалъ наказаніями заблуждающимся*.

Рѣшительныя мѣры Константинъ употреблялъ только *противъ культовъ, соединенныхъ съ безнравственными обрядами*, или съ грубымъ обманомъ со стороны жрецовъ³⁾. Потому, по распоряженію Константина, были разрушены храмы Венеры на Ливанѣ, въ Афекѣ и въ Иліополисѣ, служившіе средоточіемъ разврата, храмъ Эскулапа въ Египтѣ и Сициліи, наполненный всевозможными шарлатанами, обогащавшими себя на счетъ суевѣрій простого народа, и отмѣненъ безнравственный культъ служенія рѣкѣ Нилу въ Египтѣ. При этомъ исполнители распоряженій Константина старались показывать всю наготу и обманчивость языческихъ капищъ: идолы, въ нихъ находившіеся, были вытаскиваемы, золото и серебро было сдираемо съ нихъ и тутъ-же переправляемо, а идолы оголенные отдавались на посмѣяніе толпы, храмы языческіе были обезображиваемы и представ-

¹⁾ II, 60.

²⁾ II, 58—60.

³⁾ II, 45.

ляли печальный видъ ¹⁾). Результатомъ подобнаго рода мѣропріятій было то, что язычники или принимали христіанскую вѣру или, если не принимали, насмѣхались надъ древними богами, которыхъ они прежде признавали, и презирали сущность своихъ предковъ ²⁾). Отмѣняя безнравственные культы, Константинъ, несмотря на свои стремленія къ монархическому абсолютизму, въ которыхъ его упрекають западные историки, полагалъ *конецъ и императорскому культу*, состоявшему въ особомъ чествованіи императорскихъ изображеній, доходившемъ до обожествленія ихъ. Императоръ приказалъ убрать изъ святилищъ и изъять изъ религіознаго почитанія свое изображеніе ³⁾, чѣмъ былъ нанесенъ глубокой непоправимый ударъ культу, тѣсно слившемуся съ государствомъ и народною жизнію ⁴⁾. Вслѣдствіе этого, когда жители провинці Умбріи обратились къ Константину за позволеніемъ соорудить въ Гиспелѣ храмъ въ честь рода Флавіевъ, то онъ разрѣшилъ это, но поставилъ формальнымъ условіемъ, чтобы храмъ былъ зданіемъ воспоминанія (*aedes* вмѣсто *templum*), или, такъ сказать, историческимъ памятникомъ и чтобы его не оскверняли обманами какого-бы то ни было заразительнаго суевѣрія, т. е. никакимъ дѣйствіемъ языческаго богослуженія ⁵⁾). Нѣкоторые храмы были закрыты или разрушены потому, что жители тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ они находились, поголовно обращались въ христіанство. Константинъ поощрялъ такія массовыя обращенія въ селахъ и городахъ, причемъ незначительныя мѣстечки возводились въ города съ почетными названіями въ честь Константина ⁶⁾. Въ 326 году послѣдовало также запрещеніе возстановлять храмы, разрушившіяся по ветхости ⁷⁾. Также было запрещено, или, по крайней мѣрѣ, затруднено сооруженіе новыхъ изображеній боговъ ⁸⁾. Иногда Константинъ

¹⁾ III, 55, 58, стр. 209--214. Созоменъ, 18, стр. 33—35 *Кургановъ*, стр. 25. Несомнѣнно, подобныя дѣйствія къ крайнихъ формахъ могли допускаться часто безъ вѣдома Константина, или помимо его воли.

²⁾ Евсевій, Жизнь Константина, кн. III, 57, стр. 212.

³⁾ Евсевій, IV, 16. Сокр 1, 18.

⁴⁾ Алларъ, стр. 175.

⁵⁾ Алларъ, стр. 175.

⁶⁾ Тамъ-же.

⁷⁾ Тамъ-же.

⁸⁾ Евсевій, Жизнь К—на, II, 45, IV, 25.

измѣнялъ своей обычной сдержанности и открыто осмѣивалъ грубое суевѣріе язычниковъ. Такъ, въ 326 году, при своемъ пребываніи въ Римѣ, Константинъ отказался не только принять участіе въ торжественномъ шествіи всадниковъ въ капитолій для принесенія различныхъ жертвъ, но даже публично посмѣялся надъ этою церемоніею.

Но понятно, что далеко не всѣ язычники могли легко примириться съ подобными дѣйствіями Константина. Въ Римѣ особенно проявлялась фанатическая преданность язычеству по традиціоннымъ воспоминаніямъ о вліяніи его на весь древній бытъ. Тутъ-то и явно стала проявляться оппозиція со стороны язычниковъ. Здѣсь открыто стали преслѣдовать императора насмѣшками, возмутительными гримасами и пасквилями. Оппозиція эта была тѣмъ опаснѣе, что она обуславливалась не только религіозными, но и политическими причинами, въ силу преданности Рима отжившему республиканскому режиму. Во главѣ этой оппозиціи стояли древнія аристократическія фамиліи и языческіе ученые: потому Константинъ, для упроченія своихъ реформъ, призналъ необходимымъ основать новую столицу, гдѣ-бы языческія традиціи не стѣсняли его. Столица эта основана на берегахъ Босфора въ 330 году, гдѣ была древняя Византія, и получила названіе Константинополя. Позднѣйшія обстоятельства показали, что Константинъ, при основаніи новой столицы, проявилъ такую-же геніальную политическую и религіозную предусмотрительность, какую проявилъ раньше Александръ Македонскій, имѣвшій въ виду черезъ Александрію распространить эллинскую культуру на Востокѣ. Константинополь, по идеѣ его основателя, долженъ быть по преимуществу христіанскимъ городомъ, центромъ и оплотомъ новосозданнаго христіанскаго государства въ предѣлахъ Римской имперіи ¹⁾. Такой религіозно-культурной цѣли способствовало самое географическое положеніе новаго города среди двухъ міровъ азіатскаго и европейскаго на берегу моря, дающаго возможность быстрого и легкаго сообщенія со всѣми провинціями обширной римской имперіи. Въ силу этого, Константинополь, по словамъ св. Григорія Богослова, сталъ *окомъ вселенной*, могущественнѣйшимъ городомъ на сушѣ

¹⁾ Кургановъ, стр. 27.

и морѣ, какъ-бы взаимнымъ узломъ Востока и Запада, куда отовсюду стекалось и откуда, какъ-бы изъ общаго торжища, исходило все важнѣйшее въ вѣрѣ ¹⁾. По внѣшнимъ особенностямъ Константинополь напоминалъ древній Римъ, *но онъ являлся новымъ Римомъ по своей религіозной физиономіи, какъ городъ вполне христіанскій*. „Воодушевляясь небесною мудростію“, говоритъ *Евсевій*: „Константинъ приказалъ—городъ, украшенный его именемъ, очистить отъ всякаго идолопоклонства, чтобы въ немъ нигдѣ не поражали зрѣнія не только мнимыя изображенія боговъ, которые чтимы были въ капищахъ, но и самые жертвенники, обогранные кровью животныхъ, чтобы въ немъ не видно было ни жертвенныхъ всесожженій, ни демонскихъ праздниковъ, ни какихъ-либо иныхъ языческихъ обычаевъ. Историкъ *Созоменъ* замѣчаетъ, что этотъ городъ дѣйствительно, со времени основанія его, ни разу не былъ оскверненъ идолослуженіемъ, кромѣ кратковременнаго царствованія Юліана. По его-же замѣчанію, скоро въ Константинополь почти всѣ язычники перешли въ христіанство, а изъ іудеевъ многіе ²⁾. Уже при Константинѣ въ новомъ Римѣ было сооружено до 50 храмовъ. Изъ числа храмовъ, сооруженныхъ Константиномъ, болѣе замѣчательны храмы во имя Ирины (*Ειρηνη*) и Софіи (*Σοφια*) т. е. Божіяго мира и Божіей премудрости, и двѣнадцати апостоловъ. Послѣдній храмъ, украшенный сверху донизу разноцвѣтными камнями, покрытый мѣдью съ густою позолотой и оттого ослѣпительный даже для отдаленныхъ зрителей, выдѣлялся своимъ великолѣпіемъ изъ всѣхъ зданій ³⁾. Онъ былъ предназначенъ царемъ для его погребенія. Статуи языческихъ боговъ и различныхъ мужей были взяты изъ городовъ и храмовъ для украшенія улицъ и площадей: онѣ служили *наглядными трофеями побѣды новой вѣры надъ язычествомъ*. Главная палата дворца была украшена священными изображеніями, среди которыхъ было и распятіе, составленное изъ различныхъ драгоценныхъ камней, богато оправленныхъ въ золото ⁴⁾. Надъ дверьми царскихъ палатъ была утверждена большая картина, сдѣланная изъ воска и

¹⁾ Евсевій, Жизнь К—на, III, 48—44, стр. 202—203.

²⁾ Созоменъ, II, 3, стр. 84.

³⁾ Евсевій, Жизнь К—на, IV, 58.

⁴⁾ Тамъ-же, III, 49

расписанная цвѣтными красками, на которой былъ изображенъ Константинъ съ лежавшимъ подъ ногами его дракономъ, пронзеннымъ стрѣлами, символомъ пораженнаго язычества. Картина не безъ особой цѣли выставлена была съ внѣшней стороны дворца, напоказъ всѣмъ, чтобы всѣ знали, что владыка вселенной—почитатель христіанскаго Бога ¹⁾. Значеніе Константинополя состояло еще въ большей степени въ томъ, что онъ не только сохранялъ христіанство въ смыслѣ отличія его отъ язычества, но сохранялъ его въ чистомъ видѣ, какъ *религію вселенскую, каволитическую*, согласно съ тѣми основными началами, которыя были унаслѣдованы со времени основанія Церкви, безъ всякой примѣси позднѣйшихъ нововведеній, воплощая при этомъ ясно православіе въ конкретныхъ жизненныхъ бытовыхъ формахъ, — семейныхъ, общественныхъ и политическихъ. Въ этомъ, конечно, смыслѣ православіе, какъ совокупность традиціонныхъ христіанскихъ идей, въ объединеніи ихъ съ соответствующими бытовыми формами, стало извѣстно подъ именемъ византизма. Насколько Константинополь былъ вѣренъ этому своему „византизму“ въ своей послѣдующей исторіи, свидѣтельствуетъ позднѣйшій писатель *Константинъ Экономосъ*. По его словамъ, онъ (к. п. престоль) многократно возстановлялъ разрушенные алтари и сохранилъ свободу священныхъ обрядовъ посреди нечестиваго владычества, будучи поставленъ, какъ свѣтящійся облачный столпъ между лагеремъ Египетскимъ и лагеремъ Израиля. Онъ—несокрушимая крѣпость православія, сіонская гора, скала, Богомъ насажденная и высокая, о которую сокрушили свои главы всѣ враги православія. Онъ—митрополія духовнаго царства Христова въ мірѣ, живая кафедра семи вселенскихъ соборовъ, несокрушимая сокровищехранительница самихъ богоначертанныхъ законовъ, по которымъ управляется вся полнота православія. Онъ, наконецъ, Богомъ утвержденный центръ, въ которомъ сосредоточиваются всѣ, находящіяся подъ солнцемъ въ различныхъ государствахъ, православныя церкви и какъ-бы связанныя, составляютъ нераздѣльное тѣло единой святой восточной апостольской церкви, глава которой—Христосъ ²⁾.

¹⁾ Евсевій, Жизнь К—на, III, 3.

²⁾ Кургановъ, 81.

Принимая мѣры къ предоставленію христіанству первенствующаго положенія въ государствѣ, Константинъ не ограничивался попеченіемъ о внѣшнихъ успѣхахъ ея, но заботился и о внутреннемъ благосостояніи Церкви. Онъ находилъ, что Церковь тогда только будетъ привлекать къ себѣ язычниковъ, когда станетъ сильною и могущественною. Но это могущество могло принадлежать Церкви единой католической, почему ереси и расколы, вносившія въ Церковь смуты, находили въ лицѣ Константина самаго рѣшительнаго противника, какъ это проявилось по отношенію и къ раскольникамъ донатистамъ и къ аріанамъ. Еще въ 313 году Константинъ писалъ къ папѣ Мильтіаду по поводу раскола донатистовъ: „Вамъ извѣстно мое уваженіе къ законамъ Церкви католической и Вы знаете, какъ желалъ-бы я не видѣть между вами ни расколовъ, ни раздѣленій“¹⁾. Потому глубокимъ желаніемъ Константина было не только объединять язычниковъ съ христіанами путемъ обращенія первыхъ въ истинную вѣру, но упрочить единство между всѣми вѣрующими на почвѣ единой католической вѣры. Это казалось ему необходимымъ слѣдствіемъ признанія единой религіозной истины, прямою обязанностью его, какъ властителя государства, призваннаго къ власти Самимъ Богомъ, и вмѣстѣ лучшимъ средствомъ для упроченія благосостоянія въ Греко-Римской имперіи. Въ письмѣ, адресованномъ по поводу созванія собора въ Арелатѣ (315 г.) африканскому викарію, онъ выражаетъ свой взглядъ относительно участія въ дѣлахъ Церкви такимъ образомъ. „Признаюсь твоей крѣпости, что я съ своей стороны никакимъ образомъ не допущу потворства распрямъ и раздорамъ, которые, быть можетъ, могутъ возбудить верховное Божество не только вообще противъ человѣческаго рода, но еще противъ меня самого, попеченію коего Оно, по своему благоволенію, ввѣрило управленіе всѣми земными дѣлами, а иначе Оно приметъ какое-нибудь рѣшеніе (вредное для насъ). Ибо я до тѣхъ поръ не могу вполне оставаться покойнымъ, пока всѣ мои подданные, соединенные въ братскомъ единомысліи, не будутъ воздавать все-святѣйшему Богу истиннаго умнаго поклоненія, предписываемаго католическою вѣрою“²⁾. „Я полагаю“, пишетъ Кон-

1) Евсевій, Церк. Исторія, X. 5. Ж. К. I, 42. Алларъ, Христ. II.

2) Евсевій, Церк. Истор. X, 5—6, стр. 581—586.

стантинъ въ письмѣ къ Александру, епископу Александрійскому, и Арію, „что еслибы согласно моимъ задушевному желаніямъ установилось общее согласіе между всѣми почитателями Бога, то это принесло бы пользу и управленію государственному, давъ ему измѣненіе, соотвѣтствующее благочестивымъ расположеніямъ всѣхъ“¹⁾. Понятно, поэтому, что при тѣхъ политическихъ и религіозныхъ мотивахъ, которыми Константинъ руководствовался въ управленіи государствомъ, раздѣленія и споры въ Церкви, усилившіяся при появленіи аріанства, настолько волновали государя, что лишали его покоя, заставляли стонать и проливать слезы. Онъ болѣзновалъ душою, какъ-будто съ нимъ случилось личное несчастье. Онъ не могъ равнодушно смотрѣть на то, что христіанское ученіе сдѣлалось предметомъ комическихъ выходовъ на театральныхъ подмосткахъ. Раздѣленія церковныя онъ почиталъ хуже тягостной и страшной войны²⁾.

Но Константинъ, при своемъ стремленіи къ поддержанію порядка и спокойствія, не допускалъ личнаго произвола. Онъ сознавалъ, что произвольное рѣшеніе вопросовъ въ дѣлѣ вѣры въ глазахъ христіанъ могло-бы показать его такимъ-же гонителемъ Церкви, какими были его предшественники, императоры. При возбужденіи религіозныхъ споровъ Константинъ старался примирить враждующія партіи, для этого *созывать соборы епископовъ* и поручалъ имъ рѣшать споры согласно съ правилами вѣры. Въ рѣшеніи религіозныхъ споровъ іерархическій епископскій авторитетъ Константинъ признавалъ неприкосновеннымъ и незамѣнимымъ, такъ какъ признавалъ епископовъ правителями Церкви, облеченными своею властью отъ Бога. Заслуживаетъ вниманія, что когда донатисты, не желая подчиниться составленнымъ противъ нихъ опредѣленіямъ на соборахъ въ 313, 314 г.г. апеллировали къ суду императора, то это возбудило негодованіе въ Константинѣ. „Какое безумное упрямство“, воскликнулъ онъ: „просить отъ меня суда, тогда какъ я самъ ожидаю суда Христова. Приговоръ епископовъ должно принимать такъ-же, какъ еслибы Самъ Господь председательствовалъ на судѣ“³⁾. Поэтому при Константинѣ В.

¹⁾ Евсевій, Жизнь Константина, II, 64—65

²⁾ Евсевій, Ж. К. II, 63, 61, 73. III, 6, стр. 170—176.

³⁾ Сократъ, Исторія Церкви I, 7. Созом. I, 7, 21, стр. 71.

соборное управленіе въ Церкви могло получить особую силу, вслѣдствіе предоставленія права епископамъ рѣшать дѣла свободно по своему усмотрѣнію. Этому-же должно было благоприятствовать наступившее въ Церкви внѣшнее спокойствіе. Въ какой степени фактически проявлялось соборное управленіе, можно заключить по тому обстоятельству, что по поводу раскола донатистовъ при Константинѣ созывалось, при участіи православныхъ епископовъ, три собора (въ 313, 314 и 316 г.г.). Только при Константинѣ В. оказалось возможнымъ созваніе перваго вселенскаго собора въ Никее (въ 325 г.)¹⁾ по поводу возникновенія опаснѣйшей аріанской ереси, для рѣшенія основного догматическаго вопроса величайшей важности о божественномъ достоинствѣ Сына Божія. Но такъ какъ аріанскія волненія продолжались и послѣ вселенскаго собора, то созывались новые соборы для устраненія ихъ, изъ которыхъ болѣе важными по своимъ слѣдствіямъ были соборы въ Антиохіи (330 г.) и Тирѣ (335 г.). Насколько высоко цѣнилъ Константинъ соборный авторитетъ, можно заключить по отношенію его къ первому вселенскому собору. По его словамъ „что угодно было тремъ епископамъ, это есть не иное что, какъ мысль Самого Бога, особенно когда въ умахъ столькихъ и такого ряда мужей присутствовалъ Духъ Святой, Который открылъ имъ божественную волю“²⁾. Поэтому, придавая такой важный авторитетъ соборной власти, Константинъ признавалъ своимъ долгомъ заботиться о приведеніи въ исполненіе соборныхъ опредѣленій. Такъ, послѣ Никейскаго собора онъ отпраздновалъ грамоты къ епископамъ, не бывшимъ на соборѣ, въ которыхъ убѣждалъ ихъ принять и соблюдать вѣру, соборно опредѣленную, потому что „она есть не иное что, какъ мысль Божія, объявленная Духомъ Святымъ черезъ согласіе столь многихъ и столь великихъ архіереевъ и утвержденная послѣ тщательнаго изслѣдованія и испытанія всѣхъ недоумѣній“³⁾.

1) „Можно утверждать“, говорить Лебедевъ, „что происхожденіе вселенскихъ соборовъ обязано тому измѣненію въ положеніи Церкви и государства, какое совершилось со времени К—на. *Лебедевъ*. Духовенство древней вселенской Церкви. М. 1905 г стр. 244.

2) А. Лебедевъ. Вселенскіе соборы IV и V в.в. М. 1879 г.

3) Евсевій, Жизнь К—на, III, 16—21, стр. 175, 185. Созом. I, 25, стр. 76.

Подобныя-же увѣщательныя грамоты о принятіи соборныхъ опредѣленій онъ писалъ не только къ епископамъ, но и ко всѣмъ городамъ и селеніямъ, знатнымъ и незнатнымъ мірянамъ, называя ихъ своими братьями, сослужителями и слугами Церкви ¹⁾. Несомнѣнно, по отношенію къ еретикамъ и раскольникамъ, не подчинявшимся соборнымъ опредѣленіямъ, Константинъ употреблялъ строгія мѣры въ видѣ ссылки въ отдаленныя мѣста, запрещенія чтенія ихъ сочиненій и даже уничтоженія этихъ сочиненій ²⁾. Но эти строгія мѣры могли отмѣняться въ случаѣ раскаянія противниковъ Церкви или нарушителей ея спокойствія. Въ какой степени Константинъ избѣгалъ репрессалій даже по отношенію къ фанатичнымъ противникамъ Церкви, можно заключить по слѣдующему факту. Донатисты разрушили церковь, строившуюся Константиномъ въ Африкѣ для православныхъ. Императоръ рѣшился лучше возстановить церковь на свой счетъ, чѣмъ сталкиваться съ фанатичными сектантами. Правда, во время арианскихъ волненій Константинъ отчасти перешелъ границы въ своемъ отношеніи къ Церкви, позволивъ себѣ лишить своею властью кафедръ нѣкоторыхъ православныхъ епископовъ, отстаивавшихъ необыкновенно стойко интересы православія, во главѣ которыхъ стоялъ отецъ православія св. Афанасій, но Константинъ такъ поступилъ вслѣдствіе сложныхъ и тонкихъ интригъ еретиковъ. Ошибка по отношенію къ Афанасію была исправлена сыномъ Константина—Константиномъ II, который по смерти отца возвратилъ изъ ссылки св. Афанасія, основываясь на томъ, что въ этомъ случаѣ онъ „выполнялъ волю своего отца“. Несомнѣнно, что Константинъ дѣйствовалъ въ отношеніяхъ къ Церкви по лучшему своему разумѣнію церковныхъ интересовъ, но далеко не всегда имѣлъ подлѣ себя хорошихъ совѣтниковъ, которые раскрыли-бы ему истинныя потребности Церкви. Но онъ создалъ своимъ вліяніемъ тѣхъ, которые его окружали: они выбраны были свободнымъ голосомъ независимой Церкви и то, что было въ устанавливающихся отношеніяхъ неправильнаго, зависѣло не исключительно отъ личныхъ несовершенствъ Константина, но и отъ

¹⁾ Тамъ-же, III, 22—24, стр. 185—186.

²⁾ Тамъ-же, III, 64—65. Созом. Церк. Ист. II, 33. Болотовъ, Лекціи, II, 405.

недостатковъ нравственныхъ и интеллектуальныхъ самихъ членовъ Церкви¹⁾. Случайное сближеніе Константина съ аріанскими епископами, послѣдовавшее послѣ Никейскаго собора, въ силу недоразумѣній, а отчасти и по причинамъ политическимъ, не можетъ подрывать силы того положенія, что православная католическая Церковь была въ глазахъ Константина единственною законною выразительницею истиннаго христіанства. Различныя еретическія секты для оправданія своихъ религіозныхъ убѣжденій не могли ссылаться на оффиціальную вѣротерпимость, объявленную Миланскимъ эдиктомъ, и стояли въ полной зависимости отъ императорскаго благоусмотрѣнія.

Ознакомленіе съ религіозною политикою Константина, основанное на разнообразныхъ фактахъ, приводитъ насъ къ такимъ выводамъ, которые совершенно расходятся съ выводами нѣкоторыхъ (раціоналистическихъ) современныхъ историковъ.

1. *Неправильно утверждаютъ эти историки*,²⁾ будто Константинъ согласно съ Миланскимъ эдиктомъ, превратно понимаемымъ, поддерживалъ по отношенію къ религіямъ такъ называемый *паритетъ* въ смыслѣ одного только уравненія въ правахъ христіанства съ язычествомъ³⁾. Несмотря на крайнюю осторожность въ своихъ дѣйствіяхъ, Константинъ уже въ первый періодъ своего царствованія постепенно возвышалъ христіанство надъ язычествомъ, давая первому преобладаніе надъ послѣднимъ, а въ послѣдній періодъ явно проявлялъ свое пренебрежительное

¹⁾ Болотовъ, Лекціи, III, 52.

²⁾ Къ числу ихъ нужно отнести уже упомянутыхъ Бургарда, Дюрюи, и др., которые идутъ такъ далеко, что утверждаютъ, будто К-нь, какъ политикъ, равнодушно относился ко всѣмъ культамъ и предпочиталъ тотъ, изъ котораго думалъ извлечь наибольшее выгоды.

³⁾ Проф. Спасскій, допуская, что обращеніе Константина въ христіанство произошло вдругъ, подъ влияніемъ случайныхъ обстоятельствъ на почвѣ суевѣрій, господствовавшихъ въ его время и что Константинъ оставался пока язычникомъ-суевѣромъ, дѣлаетъ отсюда дальнѣйшее заключеніе о религіозной политикѣ Константина такого рода. „Всѣ права и привилегіи, предоставленныя Константиномъ христіанству за этотъ (первый) періодъ его дѣятельности, являются ничѣмъ инымъ, какъ только послѣдовательнымъ примѣненіемъ принципа равноправности, провозглашеннаго Миланскимъ эдиктомъ.

отношеніе къ язычеству, какъ грубому, незаконному и нечестивому суевѣрію, и явно стремился къ постепенной замѣнѣ язычества христіанствомъ. То, что проводилось Константиномъ въ религіозной политикѣ съ 323-324 г. г., по мнѣнію Шульце, есть ничто иное, какъ только болѣе полное осуществленіе идей и актовъ, намѣченныхъ въ 312-313 годахъ¹⁾. Различіе только количественное. Такъ понимаютъ Константина современные ему писатели христіанскіе и языческіе. Всѣмъ имъ онъ представляется новаторомъ и разрушителемъ древней религіи. *Новая религія была нормой и движущей силой религіозной политики Константина*, какъ утверждаетъ не безъ основанія Шульце²⁾.

2. Но и въ отношеніи къ христіанству Константинъ дѣйствовалъ не безразлично, безъ опредѣленныхъ нормъ. Онъ признавалъ для себя обязательнымъ покровительство тому христіанскому вѣроученію, которое имѣло традиціонныя историческія основы, раздѣлялось и санкціонировалось преобладающимъ большинствомъ епископовъ. Онъ былъ увѣренъ, что религіозная истина одна, и *ею владѣетъ только каволическая Церковь*, почему истинно-вѣрующіе никакъ не могли уравниваться въ правахъ съ еретиками и раскольниками. Послѣдніе должны были устраниваться изъ православнаго общества, какъ люди, упрямо заблуждающіеся, даже внѣшними принудительными мѣрами.

3. Но Константинъ избѣгалъ репрессалій какъ по отношенію къ язычеству, такъ и по отношенію къ еретикамъ и раскольникамъ. Противъ заблуждающихся онъ признавалъ необходимымъ дѣйствовать духовными мѣрами. Уклоненія отъ этого принципа гуманной толерантности допускались преимущественно тогда, когда представлялись особенно значительныя опасности для поддержанія единства и порядка въ политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ, или для чистоты вѣры и нравственности.

1) *Спасскій*. Обращеніе Константина въ христіанство, 59-62.

2) Проф. А. Лебедевъ, какъ въ оцѣнкѣ Миланскаго эдикта, такъ и въ оцѣнкѣ религіозной политики Константина послѣ эдикта примыкаетъ къ Шульцу. Не толерантность христіанской религіи давалъ императоръ Миланскимъ эдиктомъ, а даровалъ ей права, пролагавшія для нея путь къ возвышенію въ качествѣ государственной религіи. Лебедевъ, Эпоха гоненій стр. 90-91. Буасье, 14.

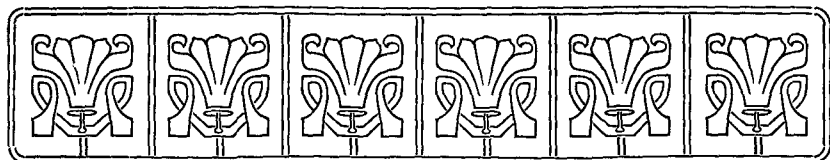
4. Религіозная политика Константина имѣла одну опредѣленную высокую цѣль—облагороживаніе и усовершенствованіе подданныхъ въ нравственномъ отношеніи, при посредствѣ религіи, но никакъ не одно только основаніе могущественной монархіи въ политическомъ отношеніи или укрѣпленіе своей власти, согласно со взглядами Буркгарда. Лучшимъ свидѣтельствомъ дѣйствительности такой цѣли въ религіозной политикѣ служить постепенное реформированіе законодательства путемъ проведенія въ него религіозно-нравственныхъ христіанскихъ идей и принциповъ. Но то, что не могло достигаться въ силу однѣхъ юридическихъ нормъ, должно было съ большимъ успѣхомъ достигаться путемъ воспитательнаго воздѣйствія Церкви, при содѣйствіи сверхъестественныхъ богодарованныхъ средствъ, которое могло вестись безъ тѣхъ величайшихъ препятствій и затрудненій, какія представлялись ей въ періодъ гоненій. Если имѣть въ виду тѣ результаты, какіе могли достигаться въ жизни при совмѣстномъ цѣлесообразномъ примѣненіи этихъ разнообразныхъ средствъ, то нельзя признать преувеличеннымъ—утрированнымъ пониманія религіозной политики Константина въ теократическомъ смыслѣ—въ стремленіи превратить царство земное въ царство Божіе, или государство сдѣлать Церковью ¹⁾).

Ал. Вертеловскій.

(Окончаніе слѣдуетъ)

¹⁾ Удивительнымъ представляется, что даже такой протестантскій историкъ, какъ Moeller, съ этой возвышенной точки зрѣнія, оцѣниваетъ религіозную политику Константина. Moeller, Lehrbuch der Kirschngeschichte s. 424.

ТОРЖЕСТВО ХРИСТІАНСТВА НАДЪ ЯЗЫЧЕСТВОМЪ ПРИ КОНСТАНТИНѢ ВЕЛИКОМЪ.

(Окончаніе) *).

IV.

Характеристика Константина Великаго. Заслуги Константина Великаго. Его частная жизнь.

Религіозно - политическая дѣятельность Константина, увѣнчавшаяся весьма важными результатами, даетъ намъ полное основаніе признавать его Великимъ и присоединить его къ числу тѣхъ историческихъ дѣятелей, подвиги которыхъ содѣйствовали прогрессивному развитію культуры и пролагали начало новымъ эпохамъ въ исторіи человѣчества. Однако, не мало такихъ историковъ, которые отрицательно относятся къ заслугамъ Константина Великаго, ослабляя значеніе ихъ иногда въ крайней формѣ. Неудивительно, что языческіе историки, которые были современниками Константина, такіе, какъ Зосимъ, Евпатій и Амміанъ Марцелинъ относились къ Константину враждебно. Это естественно объясняется ихъ озлобленіемъ противъ императора, вслѣдствіе отмѣненія отечественнаго языческаго культа, признаваемаго ими священнымъ. Но удивительно, что современные намъ историки, и особенно западные, употребляютъ видимыя усилія къ тому, чтобы развѣнчать и унижить великаго историческаго дѣятеля. Въ этомъ отношеніи особенно выдѣляется *Буркгардъ*, какъ мы уже объ этомъ упоминали. Признавая Константина убійственнымъ эгоистомъ, пользовавшимся религіею для своихъ честолюбивыхъ цѣлей, Буркгардъ замѣчаетъ „Христіанская Церковь, какъ таковая, въ лицѣ его ни-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 20 за 1913 г.

чего не проиграла-бы, какъ и язычество ничего не выиграло-бы“. Но если мы, оставляя въ сторонѣ тѣ личныя религиозныя побужденія, которыми Константинъ руководился въ своей дѣятельности, будемъ оцѣнивать его дѣйствія по отношенію къ политическимъ цѣлямъ: то и въ такомъ случаѣ мы должны признать его необыкновеннымъ историческимъ дѣятелемъ. Константинъ, первый изъ римскихъ императоровъ, съ полною опредѣленностью созналъ, что языческій культъ, какъ культъ суевѣрный и безнравственный, не можетъ благопріятствовать политическому благосостоянію римскаго государства, что онъ окончательно разложился, и всѣ попытки къ гальванизованію его не могутъ имѣть успѣха. Знакомство съ христіанствомъ должно было привести Константина къ опредѣленному убѣжденію, что только въ немъ заключаются тѣ здоровыя религиозно-нравственные элементы, которые могутъ обновить жизнь человѣчества во всѣхъ отношеніяхъ. Потому Константинъ рѣшительно порвалъ связь съ прошлымъ, склонившись лично къ христіанству, и воспиталъ своихъ сыновей на началахъ новой религіи христіанской. Онъ призналъ согласнымъ съ требованіемъ справедливости не только уравнивать христіанство съ язычествомъ, но дать новой религіи, какъ совершеннѣйшей во всѣхъ отношеніяхъ, первенствующее, преобладающее значеніе, проложивъ путь къ возведенію ея на степень религіи государственной. Согласно съ началами новой религіи христіанской, послѣдовало разностороннее реформированіе государственнаго законодательства, въ составъ котораго внесены были высокогуманные элементы. Согласно съ новымъ законодательствомъ, стали происходить разнообразныя перемѣны въ жизни, касавшіяся всѣхъ ея сторонъ—семейнаго, общественнаго и государственнаго быта. Послѣдовало перенесеніе столицы изъ Рима, упорно преданнаго язычеству въ своемъ большинствѣ, въ Константинополь, населенный преимущественно христіанами, который по самому своему географическому положенію могъ благопріятствовать широкому распространенію новой христіанской культуры. И особенно важно, что великій переворотъ въ Римской имперіи произведенъ былъ *постепенно, безъ всякаго рода репрессій*, съ предоставленіемъ права каждому подданному оставаться въ язычествѣ, или переходить въ христіанство.

Въ этомъ отношеніи Константинъ, какъ высокогуманный императоръ, не только возвышается надъ своими предшественниками—языческими императорами, такими, какъ Неронъ, Маркъ Аврелій, Декій, Галерій и др., но даже и надъ позднѣйшими христіанскими государями, проявлявшими крайній религіозный фанатизмъ, какъ Филиппъ испанскій, Фердинандъ германскій и др.

Частная жизнь Константина по многимъ свѣтлымъ возвышеннымъ чертамъ даетъ намъ возможность убѣдиться въ томъ, что онъ обратился въ христіанство по убѣжденію въ божественномъ достоинствѣ этой религіи, а не по однимъ политическимъ побужденіямъ. Эта жизнь обстоятельно и въ самыхъ свѣтлыхъ чертахъ описана Евсевіемъ, епископомъ кесарійскимъ, находившимся въ близкихъ и даже дружескихъ отношеніяхъ съ императоромъ, а потому имѣвшимъ возможность знать много такого, что не могло быть доступно стороннимъ лицамъ. Сочиненіе „*о жизни царя Константина*“ написано Евсевіемъ уже по смерти императора и значитъ не раньше 337 года; стало-быть тогда, когда автору представлялась полная возможность говорить о близкомъ лицѣ безпристрастно. Правда, Буркгардъ отрицаетъ достовѣрность этого первоисточника; но его мнѣніе, какъ крайнее, отвергается лучшими современными историками, какъ-то: Момзеномъ, Ранке, Функомъ, Зеekomъ, Шульце, Буасье и другими. Какъ замѣчаетъ Буасье,¹⁾ произведеніе Евсевія состоитъ изъ двухъ разнохарактерныхъ частей, почему его рассказы слѣдуетъ отличать отъ приводимыхъ имъ официальныхъ актовъ. Рассказы должны быть подвергнуты строгой критикѣ, какъ такіе, которые могутъ отражать личныя мнѣнія автора и его симпатіи. Иное дѣло *документы*. Здѣсь автора нельзя упрекать въ чемъ-либо зазорномъ, въ родѣ поддѣлки документовъ. Причина этого ясна. Евсевій писалъ при жизни очевидцевъ и непосредственныхъ свидѣтелей царствованія Константина, когда документы могли быть провѣряемы дѣйствительностью. А документы эти не были тайной, но публиковались, читались и хранились въ безчисленномъ количествѣ въ архивахъ. Значитъ, онъ могъ быть легко обличенъ въ допущенной неправдѣ. Знаменитый Ранке рѣшительно говоритъ: „Безцѣнное достоинство сочиненія Евсевія

¹⁾ Буасье, Паденіе язычества, стр. 4, *примѣч.*

„Жизнь Константина“ заключается въ томъ, что здѣсь помѣщенъ рядъ писемъ Константина (подъ которыми историки, кажется, разумѣютъ всѣ документы), которые лучше, чѣмъ все другое, что мы знаемъ о немъ, даютъ понимать личность этого государя и кругъ его религиозныхъ идей¹⁾. „Въ документахъ у Евсевія“, читаемъ у Зеэка, — „быть можетъ встрѣтятся невѣрныя подробности. Но изъ нихъ нѣтъ ни одного, который-бы не могъ исходить отъ Константина. Правда, Евсевій не болѣе, какъ правдивый бытописатель для событій своего времени, но онъ усердный ученый: отсюда къ нему можно имѣть больше довѣрія, чѣмъ къ его современникамъ²⁾. Такъ какъ его церковная исторія не содержитъ подложныхъ документовъ, то нельзя приписывать ему ихъ и въ другихъ сочиненіяхъ. Притязательная критика можетъ отрицать тотъ или другой фактъ, передаваемый Евсевіемъ, если въ немъ замѣчается крайній панегирический тонъ, можетъ перетолковывать по своему то или другое извѣстіе Евсевія ко вреду для Константина, какъ истинно-христіанскаго государя, но подвергать сомнѣнію правдивость *всего* сочиненія „Жизнь Константина“ не въ состояніи ни одинъ историкъ³⁾. Конечно, никакая иперекритика не можетъ поколебать дѣйствительности такихъ фактовъ изъ жизни Константина, сообщаемыхъ Евсевіемъ, которые подтверждаются другими древними церковными писателями и даже языческими историками, высказывающимися противъ воли въ пользу Константина. Нужно, однако, сказать, что тенденціонность нѣкоторыхъ историковъ по отношенію къ произведеніямъ Евсевія, по замѣчанію Шульце, переходитъ всякія границы. Если имъ приходится сравнивать извѣстія Евсевія съ извѣстіями языческихъ писателей, то всегда отдають предпочтеніе этимъ послѣднимъ, притомъ же и къ тексту Евсевіева сказанія они относятся съ непростительною несправедливостью: они обыкновенно выхватывая отдѣльныя мѣста изъ сказанія Евсевія, стараются найти въ нихъ недостатки и на основаніи частныхъ Евсевіевыхъ из-

1) Лебедевъ А. П. Церковная Исторіографія въ главныхъ ея представителяхъ съ IV вѣка по XX. Москва, 1898, 101.

2) Лебедевъ, Эпоха гоненій, 351.

3) Лебедевъ, Эпоха гоненій, 351.

вѣстій, недостаточно оцѣненныхъ, заключаютъ о несовершенствѣ всего произведенія ¹⁾.

Если мы признаемъ достовѣрность сочиненія Евсевія о жизни Константина, какъ главнаго первоисточника, то должны прійти къ заключенію, что этотъ государь по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ и жизни былъ истиннымъ христіаниномъ. Глубокимъ усвоеніемъ христіанскихъ идей онъ былъ обязанъ частью христіанскому духовенству, къ которому онъ сталъ близокъ, особенно со времени своего обращенія въ христіанство, а частію личной самодѣятельности. Съ того времени, какъ послѣдовало обращеніе Константина въ христіанство, мы видимъ его постоянно окруженнымъ епископами, во главѣ которыхъ стоялъ особенно *Осія кордубскій*. Епископы были его вѣчными спутниками и совѣтниками ²⁾. „Куда-бы самъ онъ ни шелъ,—читаемъ мы у Евсевія“: бралъ и ихъ съ собою въ томъ убѣжденіи, что Богъ, Которому они служатъ, по крайней мѣрѣ за это, будетъ къ нему милостивъ ³⁾. Они входятъ во внутренніе покои дворца, вкушаютъ съ нимъ пищу и участвуютъ въ царской трапезѣ ⁴⁾. Съ ними онъ дѣлитъ радость и горе. На праздникъ виценалій его избранными гостями были отцы Никейскаго собора ⁵⁾. То же мы наблюдаемъ и позднѣе на праздникъ триценалій, когда Евсевій кесарійскій произнесъ въ честь его похвальную рѣчь ⁶⁾. Въ бесѣдахъ съ ними Константинъ проводитъ большую часть времени. Отъ нихъ же онъ получилъ первое свое христіанское образованіе ⁷⁾. Послѣднее съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе глубокимъ и основательнымъ, вслѣдствіе заботъ императора о достиженіи болѣе полнаго Богопознанія. Съ особенною любовью онъ предается чтенію и изученію Св. Писанія ⁸⁾. Онъ глубоко имъ проникается и проявляетъ живой интересъ къ богословскимъ вопросамъ, какъ увидимъ это ниже.

¹⁾ Лебедевъ А. П. Церковная исторіографія, стр. 95.

²⁾ Евсевій, Жизнь Константина, I, 32; II, 4.

³⁾ Тамъ-же, I, 42, стр. 89.

⁴⁾ Тамъ-же, III, 1.

⁵⁾ Тамъ-же, III, 15.

⁶⁾ Похвальное слово Константину, 1--44.

⁷⁾ Тамъ-же, I, 32.

⁸⁾ Тамъ-же, 17, 29—I, 32, IV, 29.

Рѣшительно неправъ *Дюрюи*, когда утверждаетъ, что Константинъ по вопросу о Богѣ придерживался деистическаго міросозерцанія не только тогда, когда былъ язычникомъ, но и по обращеніи въ христіанство ¹⁾. Основаніе для этого *Дюрюи* находитъ въ томъ, что Константинъ въ своихъ молитвахъ призывалъ не Христа, или Бога, а *Божество* въ неопредѣленной формѣ. Такая-же будто неопредѣленность въ представленіяхъ о Божествѣ замѣчается въ Миланскомъ эдиктѣ, въ посланіи, отправленномъ съ *Ликиніемъ* правителю *Виѳиніи* и даже въ письмахъ Константина къ епископамъ ²⁾. Но если и можно допустить, что до обращенія въ христіанство Константинъ придерживался деистическаго міросозерцанія, то нельзя этого допустить послѣ обращенія, когда онъ чествовалъ Христа со всею рѣшительностію и передъ всѣми ³⁾. Онъ самъ говорилъ: „Я твердо вѣрую, что всю свою душу, все, чѣмъ дышу, все, что только обращается въ глубинѣ моего ума, мы обязаны приносить въ жертву Великому Богу“ ⁴⁾. Со времени своей необыкновенной побѣды надъ *Максентіемъ*, одержанной благодаря явной чудодѣйственной помощи Божіей, Константинъ вполнѣ былъ убѣжденъ въ силѣ Божественнаго Промысла, о чемъ неоднократно заявлялъ публично. Поэтому всѣ свои послѣдующіе успѣхи въ военныхъ походахъ и государственной дѣятельности Константинъ приписывалъ Промыслу Божію, нерѣдко торжественно прославлялъ величіе Божіе и благодарилъ Бога за оказанныя ему благодѣянія ⁵⁾.

Одержана ли была побѣда надъ врагами, Константинъ возносилъ благодарственную молитву *Виновнику побѣды* ⁶⁾; наступалъ ли юбилейный праздникъ, отмѣчавшій большой или меньшій періодъ его царствованія, онъ опять не забывалъ восхвалять *Небеснаго Распорядителя судьбами царей*

¹⁾ *Дюрюи*. Римская имперія, стр. 539.

²⁾ Ко взгляду *Дюрюи* повидимому склоняется проф. *Спасскій*, который замѣчаетъ, что Константинъ въ своихъ узаконеніяхъ и письмахъ *намышленно* избираетъ самыя общія и неопредѣленныя выраженія. *Спасскій*, цит. соч., стр. 63.

³⁾ *Евсевій*, „Жизнь Константина“, III, 2.

⁴⁾ Тамъ-же, II, 29.

⁵⁾ Тамъ-же, II, 55. II, 28.

⁶⁾ Тамъ-же I, 39.

и царствъ ¹⁾). И войску своему во время военныхъ походовъ Константинъ внушалъ, что въ войнахъ не тотъ лучше побѣждаетъ, кто лучше вооруженъ, а кто снискалъ расположение Божества. Поэтому Константинъ говорилъ: „Надежды войска должны основываться не на копьяхъ, не на вооруженіи, не на силѣ тѣлесной, ему больше всего надобно знать, что податель всякаго блага Богъ ²⁾). Только содѣйствіе Божіе можетъ быть признано несокрушимымъ и непреоборимымъ, а не вооруженіе и не множество войска ³⁾). И самъ Константинъ все болѣе и болѣе проникался мыслью, что Божественный Промыслъ, покровительствовавшій ему во всѣхъ обстоятельствахъ, поставилъ его властелиномъ надъ вселенной и избралъ его орудіемъ Своихъ высочайшихъ цѣлей ⁴⁾).

Религіозное настроеніе Константина высказывалось въ строгомъ соблюденіи обрядовъ, установленныхъ Церковью. Внѣшними знаками его благочестиваго настроенія были: осѣненіе крестнымъ знаменіемъ, воздѣяніе рукъ и колѣнопреклоненіе ⁵⁾). Предметомъ особеннаго религіознаго чествованія для Константина служилъ святой крестъ, о которомъ онъ говоритъ всегда съ величайшимъ благоговѣніемъ ⁶⁾). Крестъ, какъ орудіе спасенія всѣхъ людей и благосостоянія всѣхъ народовъ, онъ повелѣвалъ изображать на оружійи воиновъ, какъ знаменіе спасительной побѣды ⁷⁾).

Молитва признавалась Константиномъ необходимымъ выраженіемъ религіознаго настроенія. Поэтому, въ молитвахъ онъ проявлялъ особое усердіе и ревность. Онъ ежедневно въ извѣстные часы заключался въ недоступныхъ покояхъ своего дворца и тамъ наединѣ бесѣдовалъ съ Богомъ въ молитвахъ, преклоняя колѣна и испрашивая потребное себѣ ⁸⁾). Но государь не довольствовался однѣми дневными молитвами, ночью также вставалъ на молитву, линая себя

¹⁾ Тамъ-же I, 48.

²⁾ Тамъ-же, IV, 19, стр. 243.

³⁾ Тамъ-же, I, 27.

⁴⁾ Тамъ-же, II, 56, 60, 11, 28, стр. 129.

⁵⁾ Тамъ-же, III, 2, IV, 22, стр. 245.

⁶⁾ Тамъ-же, II, 55.

⁷⁾ IV, 21, стр. 243, Созом. 1, 8, стр. 33—34.

⁸⁾ IV, 22 Евс., стр. 245. Не напрасно поэтому Константинъ приказывалъ изображать себя въ молитвенномъ положеніи на фронтонахъ дворцовъ и на монетахъ, которыя расходились затѣмъ по всей римской имперіи, Евсевій, Жизнь Константина, IV, 15, стр. 243.

обычнаго отдохновенія ¹⁾. Онъ не только соблюдалъ посты, положенные Церковью, но и налагалъ на себя произвольные посты, почитая ихъ однимъ изъ лучшихъ средствъ угодить Богу ²⁾. Самый дворець Константинъ желалъ превратить въ храмъ, введя въ церемоніаль дворца исполненіе религіозныхъ подвиговъ. Въ своихъ чертогахъ онъ устроилъ родъ церкви Божіей и личнымъ усердіемъ подавалъ примѣръ вступившимъ въ нее. Онъ бралъ въ руки св. книги и размышлялъ о богодухновенныхъ истинахъ, потомъ со всѣмъ своимъ дворомъ совершалъ постановленныя закономъ молитвословія ³⁾. Этого мало. Питая свой умъ божественными истинами, говоритъ Евсевій, онъ проводилъ цѣлыя ночи безъ сна, въ часы досуга сочинялъ и дѣлалъ непрестанныя предложенія къ народу, считая своею обязанностью управлять подданными посредствомъ наставленій и во все свое царство вводитъ разумность ⁴⁾. Проникаясь все болѣе религіознымъ настроеніемъ, Константинъ созывалъ собранія, на которыхъ выступали знаменитые епископы, напр., Евсевій кесарійскій, со своими богословскими рѣчами, которыя императоръ, стоя слушалъ и разбирая съ напряженнымъ вниманіемъ, что было говорено, подтверждалъ истину догматовъ вѣры собственнымъ свидѣтельствомъ ⁵⁾. Наконецъ, когда ему представлялся случай богословствовать, говоритъ Евсевій, онъ вставалъ и поникшимъ тихимъ голосомъ весьма благоговѣйно посвящалъ предстоящихъ въ тайны божественнаго ученія. Раздѣляя свои рѣчи на части, онъ то обличалъ заблужденіе многобожія, представляя, что суевѣріе язычниковъ есть обманъ и прикровеніе бездѣлья, то говорилъ о единовластвующемъ Божествѣ и всегда затѣмъ разсуждалъ о всеобщемъ и частномъ Промыслѣ; потомъ переходилъ къ спасительному домостроительству и объяснялъ, что надлежащій способъ его совершенія былъ необходимъ; простираясь далѣе, касался ученія о божественномъ судѣ и по этому поводу дѣлалъ своимъ слушателямъ сильныя упреки, посрамляя хищниковъ и любостыжателей. Поражая и какъ бы

¹⁾ Евсевій, Похвальное слово К—ну, гл. 5. Ж. К. IV, 22.

²⁾ Евсевій, Ж. К., II, 14.

³⁾ Тамъ-же, IV, 17, стр. 242.

⁴⁾ IV, 29, стр. 251.

⁵⁾ Евсевій, Жизнь К—на, IV, 33, стр. 254.

бичуя словомъ нѣкоторыхъ окружавшихъ его ближнихъ. онъ заставлялъ ихъ потуплять взоры и терзаться совѣстью, ибо въ ясныхъ выраженіяхъ объявлялъ имъ, что они дадутъ Богу отчетъ во вѣренной имъ службѣ, что Богъ всяческихъ поручилъ царство земное ему. а онъ, подражая Всеблагому, возложилъ управленіе частными областями на нихъ и что всѣ они нѣкогда представятъ великому Царю отчетъ въ дѣлахъ своихъ ¹⁾. Если слушатели рукоплескали, выражая традиціоннымъ способомъ свое одобреніе сказанному, то онъ давалъ имъ знакъ возводить очи на небо и своимъ удивленіемъ, своими благоговѣйными похвалами чувствовать одного Царя всяческихъ.

Кромѣ *религіозности*, были и другія привлекательныя черты въ жизни Константина. Изъ нравственныхъ качествъ его заслуживаютъ вниманія: его *трудолюбіе*, *простота* и *воздержность* въ жизни. Трудолюбіе его было явленіемъ поразительнымъ. Константинъ никогда не былъ празднымъ, отъ одного дѣла онъ переходилъ къ другому. Извѣстный языческій ораторъ Ливаній свидѣтельствуешь, что императоръ былъ всегда занятъ умственной или ручной работою, что онъ постоянно придумывалъ какіе-нибудь планы въ интересахъ общественной пользы и не зналъ покоя ни днемъ, ни ночью ²⁾. Даже въ преклонныхъ лѣтахъ онъ былъ неутомимо дѣятеленъ: онъ или писалъ рѣчи, или своимъ слушателямъ преподавалъ христіанское ученіе, или составлялъ законы то военные, то гражданскіе и придумывалъ всѣ способы къ общей пользѣ людей ³⁾. Онъ писалъ также множество писемъ къ епископамъ, начальникамъ областей и другимъ лицамъ, такъ что Евсевій не могъ не удивляться самоотверженію царя ⁴⁾.

Въ домашней жизни императоръ *избѣгалъ* всяческихъ *излишествъ*. По его мнѣнію, лакомыя блюда, кромѣ вреда для здоровья, ничего не приносятъ. Еще менѣе онъ былъ расположенъ употреблять опьяняющіе напитки, хорошо зная, что они помрачаютъ разумъ и путаютъ мысли ⁵⁾. Языческіе панегиристы восхваляютъ цѣломудріе

¹⁾ Евсевій, IV, 29—32. Рѣчь К—на къ обществу вѣрныхъ, гл. 2.

²⁾ Терновскій, Греко-восточная церковь въ періодъ вселенск. соборовъ. Кіевъ 1883—81.

³⁾ Евсевій, Ж. К. IV, 58. IV, 47.

⁴⁾ Тамъ-же, III, 24.

⁵⁾ Евсевій. Похвальное слово К ну, гл. 5.

Константина, непорочность его жизни. Въ этомъ отноше-
 нии Константинъ представлялъ противоположность со-
 временнымъ правителямъ, такимъ, какъ Ликиній, Максентій,
 Максиминъ, которые заявили себя поразительною нрав-
 ственною распущенностью.

По отношенію къ своимъ подданнымъ Константинъ былъ
 чуждъ грубаго деспотизма, а напротивъ заявлялъ себя *че-
 ловѣколюбіемъ* и *благотворительностью*. Какъ солнце, вос-
 ходя надъ землею, щедро проливаетъ на всѣхъ лучи свѣта,
 такъ и Константинъ, по словамъ Евсевія, выходя изъ дворца,
 обильно проливалъ на всѣхъ встрѣчающихся, свѣтлые лучи
 своихъ благодеяній ¹⁾. Онъ раздавалъ деньги бѣднымъ и
 оказывалъ благодѣянія приходившимъ къ нему иновѣрнымъ.
 Нищихъ и отверженныхъ, собиравшихъ милостыню, онъ при-
 казывалъ снабжать не только деньгами и пищею, но и при-
 личною одеждою ²⁾. Еще съ большею щедростью онъ благо-
 творилъ несостоятельнымъ, впадшимъ въ нищету по
 несчастному стеченію обстоятельствъ: однимъ дарилъ
 земли, другихъ отличалъ различными знаками чести ³⁾.
 Наиболѣе онъ заботился о вдовахъ и сиротахъ, оказав-
 шихся въ безпомощномъ положеніи по смерти близкихъ ⁴⁾.
 Мы уже знаемъ, что челоѣколюбіе побуждало Константина
 смягчить тяжкія наказанія за преступленія, улучшить путемъ
 законовъ положеніе рабовъ. Не менѣе важны его *заботы о*
смягченіи тягостей войны. Война, какъ извѣстно, въ древ-
 ности имѣли особенно варварскій характеръ. Побѣдители не
 знали, что такое милосердіе. Побѣжденный врагъ обыкно-
 венно дѣлался добычей меча. Желая смягчить жестокіе нравы
 воиновъ, Константинъ сдѣлалъ такое распоряженіе: всякій
 изъ его воиновъ, доставившій царю военноплѣннаго врага
 цѣлымъ и невредимымъ, получаетъ опредѣленное вознагра-
 жденіе золотою монетою. Понятно, къ чему повело такое
 распоряженіе: цѣлыя тысячи варваровъ, искупленные цар-
 скимъ золотомъ, были спасены отъ смерти ⁵⁾. Нерѣдко по-

¹⁾ Жизнь Константина, 1, 43, стр. 90

²⁾ Тамъ-же, IV, 28.

³⁾ Тамъ-же, I, 43.

⁴⁾ Тамъ-же, I, 43.

⁵⁾ Жизнь Константина В.—Нѣкоторые историки, однако, усилен-

страдавшіе во время судебныхъ процессовъ получали вознагражденіе за понесенные убытки изъ личной казны императора. Такое великодушіе царя возбуждало общее удивленіе, такъ что его даже упрекали за излишнюю снисходительность ¹⁾).

Щедрость Константина, проявлявшаяся въ его широкой *благотворительности*, оцѣнивалась даже Юліаномъ, по словамъ котораго хотя Константинъ и любилъ много приобретать, но и много раздавалъ по личному желанію и побужденіямъ друзей ²⁾. При такихъ высокихъ религіозно-нравственныхъ качествахъ, естественно Константинъ желалъ дать и своимъ дѣтямъ надлежащее воспитаніе въ томъ же истинно-христіанскомъ духѣ. Онъ приставилъ къ нимъ учителей, мужей извѣстнѣйшихъ своею набожностью ³⁾. Къ числу такихъ учителей принадлежалъ, между прочимъ, *Лактанцій*, замѣчательный христіанскій писатель и апологетъ, имя котораго занимаетъ почетное мѣсто въ спискѣ ученыхъ мужей древне-латинской церкви. По распоряженію царя, ихъ окружали люди, преданные христіанской религіи, какъ крѣпкія стѣны ⁴⁾. Но болѣе всего, по свидѣтельству Евсевія, царь питалъ своихъ дѣтей божественнымъ ученіемъ посредствомъ личныхъ наставленій, внушалъ имъ подражать его собствен-

но стараются отвергнуть значеніе свидѣтельствъ Евсевія о челоѣколюбіи К—на, особенно указаніемъ на печальные факты насильственной смерти Фавсты, жены его и Криспа, сына его отъ первой жены Минервины,—смерти, совершенной по волѣ Константина. Но это трагическое семейное обстоятельство до сихъ поръ не выяснено. Предполагають, что причиною этой катастрофы были преступныя порочныя отношенія. Наболѣе правильно сужденіе *Зеека*. Если Криспъ и Фавста были виновны, Константину нельзя сдѣлать никакого упрека, если-же одинъ изъ нихъ былъ оклеветанъ, то его можно обвинять только въ поспѣшности, которая тѣмъ болѣе простительна, чѣмъ болѣе ужаснымъ казалось ему возведеніе на нихъ преступленія. Нужно при этомъ принять во вниманіе и то обстоятельство, что по свидѣтельству язычника Зосимы, самъ императоръ *раскался въ казни сына* и поставилъ убитому статую съ надписью *τὸ κρῖνον* (жертвѣ несправедливости). *Болотовъ*, III, стр. 35. Во всякомъ случаѣ, было-ли это политическое, или семейное недоразумѣніе—трудно сказать.

¹⁾ IV, 4—31, стр. 251.

²⁾ Терновскій, Греко-восточн. церковь, стр. 81.

³⁾ IV, 51, стр. 268.

⁴⁾ IV, 51—52.

ному благочестію ¹⁾). Такимъ воспитаніемъ Константинъ имѣлъ въ виду приготовить достойныхъ продолжателей своей религіозно-политической дѣятельности.

Послѣдніе дни и кончина Константина служатъ достойнымъ завершеніемъ его христіанской жизни. Еще задолго до смерти, Константинъ началъ готовиться къ ней. Онъ самъ позаботился объ устройствѣ для себя гробницы во вновь сооруженномъ храмѣ, въ честь двѣнадцати апостоловъ ²⁾). Почувствовавъ упадокъ силъ, Константинъ пожелалъ, чтобы надъ нимъ было совершено таинство крещенія, которое долго откладывалъ частію потому, что имѣлъ въ виду креститься въ водахъ рѣки Иордана, но не встрѣчалъ возможности для такого путешествія, а частію изъ обычнаго опасенія, раздѣляемаго своими современниками, чтобы грѣхами, совершенными послѣ крещенія, не прогнѣвать Бога и не лишиться Его милостей ³⁾).

Когда болѣзнь стала усиливаться, то Константинъ повелѣлъ себя перевезти изъ Елеопоналиса, гдѣ онъ пользовался минеральными водами, въ Никомидію и тамъ воспринялъ святое крещеніе, отъ аріанскаго епископа Евсевія Никомидійскаго, *будучи въ то-же время глубоко убѣжденнымъ, что Евсевій—православный* ⁴⁾). Принявъ крещеніе, Константинъ ликовалъ духомъ, обновился и исполнился радости и живо почувствовалъ дѣйствіе благодати. Теперь, вмѣсто багряницы, онъ облекся торжественно въ бѣлую крещальную одежду, съ которою болѣе не разставался. Считаая себя осчастливленнымъ возрожденіемъ для новой духовной жизни, Кон-

¹⁾ IV, 52.

²⁾ Жизнь К—на, 60.

³⁾ По словамъ Болотова, отсрочиваніе крещенія со стороны К—на объясняется не тѣмъ, что въ немъ не было вѣры во Христа (какъ утверждаютъ нѣкоторые раціоналистическіе историки), а тѣмъ, что въ немъ не доставало вѣры въ самого себя. Онъ надѣялся таинственно очиститься въ крещеніи; чтобы вступить въ будущую жизнь совершенно чистымъ. Болотовъ, III, 34.

⁴⁾ Нельзя опускать изъ виду, что Евсевій никомидійскій, посланный въ Галлію послѣ Никейскаго собора за аріанство, былъ возвращенъ изъ заточенія на основаніи его *покаянной грамоты*. Впрочемъ, по свидѣтельству Евсевія, въ крещеніи К—на принимать участіе *соборъ епископовъ*, въ которомъ могъ находиться константинопольскій епископъ Александръ, по близости столицы къ мѣсту крещенія.

стантинъ несмотря на усиливавшуюся болѣзнь принималъ въ своемъ лагерѣ плачущихъ офицеровъ и отдавалъ имъ послѣднія распоряженія ¹⁾).

Наконецъ, около полудня, въ первый день пятидесятиницы 22 Мая 337 года онъ скончался съ послѣдними словами: „Теперь я вѣрую, что приобщился божественнаго свѣта“ ²⁾).

Православная Церковь достойно оцѣнила великіе подвиги Константина, предпринятые имъ для своего спасенія и для ея преуспѣянія: она признала великаго государя святымъ и равноапостольнымъ. Константинъ былъ первымъ христіанскимъ императоромъ на тронѣ римскихъ кесарей; но онъ-же въ своей жизни и дѣятельности въ такой высокой идеальной степени воплотилъ религіозно-нравственныя черты, свойственныя православію, что сталъ въ этомъ отношеніи *типическимъ византійскимъ императоромъ*, такъ что лучшею похвалою для него или другого позднѣйшаго византійскаго государя было признаніе его вторымъ Константиномъ.

Ал. Вертеловскій.

¹⁾ Жизнь Константина III, 61.

²⁾ IV, 63—64

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: **info@axion.org.ru**